

А. И. Черепнинъ.

ОЧЕРКЪ

ДОИСТОРИЧЕСКАГО ПРОШЛАГО

РЯЗАНСКАГО КРАЯ.

(Оттискъ изъ Описанія празднованія 800-лѣтняго юбилея г. Рязани)

РЯЗАНЬ.

Типографія Губернскаго Правленія.

1896.

ОЧЕРКЪ ДОИСТОРИЧЕСКАГО ПРОШЛАГО

РЯЗАНСКАГО КРАЯ.

Празднованіе 800-лѣтія г. Рязани вызвано событіемъ, совершившимся въ тотъ знаменательный періодъ времени, когда среди разрозненныхъ племенъ, заселявшихъ площадь Окскаго бассейна, зарождался теперешній центръ колоссальнаго Русскаго государства.

Восемь сотъ лѣтъ тому назадъ, южно-русскіе князья строили укрѣпленные городки для упроченія своего господства надъ покоренными племенами, обитавшими въ предѣлахъ нынѣшней средней Россіи, и вводили новыя порядки въ занятыхъ областяхъ между туземцами, оставшимися на мѣстахъ своей исконной осѣдлости. Многіе изъ этихъ городковъ давно замерли и слѣды ихъ исчезли съ лица земли, отъ другихъ сохранились остатки земляныхъ укрѣпленій и только нѣкоторые изъ нихъ существуютъ до сихъ поръ, какъ торговые или административныя центры.

На основаніи записи XVI—XVII ст. ¹⁾, мѣстные знатоки родной старины предполагаютъ, что въ 1095 году такой стратегическій пунктъ былъ основанъ на крутомъ берегу Трубежа и названъ Переславлемъ Рязанскимъ. По всему вѣроятію городокъ былъ построенъ ранѣе 1095 г. на мѣстѣ, нынѣ занятомъ кремлемъ, и представлялъ небольшой поселокъ, окруженный землянымъ валомъ со стороны удобныхъ подступовъ къ нему ²⁾... Въ теченіи трехъ столѣтій незначительный княжескій городокъ, благодаря удобствамъ своего положенія и другимъ благоприятнымъ обстоятельствамъ, постепенно обстраивался, и при великомъ князѣ Олегѣ Ивановичѣ сталъ стольнымъ городомъ Великаго княжества Рязанскаго.

Если не вполне, то отчасти извѣстны какъ общій характеръ дѣятельности первыхъ рязанскихъ князей, такъ и тѣ цѣли къ достиженію

¹⁾ Въ библіотекѣ Рязанской семинаріи подъ № 130 находится Слѣдованная Псалтирь, писанная въ 1570 году Ильинской церкви попомъ Маркомъ; въ ней послѣ канона честному кресту, на послѣднемъ мѣстѣ, передъ мѣсяцемъ сентябремъ, въ 19 день, написано полууставомъ: „Влѣто 6603 (1095) заложенъ въ градъ Переславль Рязанской окола цркви стго Николы старого“.

²⁾ На возвышенномъ берегу Трубежа, занятомъ сѣвѣрною частью г. Рязани, было селеніе, основанное древними обитателями Рязанскаго края за нѣсколько столѣтій до появленія южно-русскихъ князей въ

которых стремились болѣе энергичные изъ нихъ. Но до послѣдняго времени ничего или почти ничего мы не знали о бытѣ и особенностяхъ тѣхъ племенъ, которыя издавна занимали территорію, вошедшую впоследствии въ составъ Великаго княжества Рязанскаго ³⁾. Между тѣмъ, эти племена вошли въ составъ Великорусскаго народа и представляютъ одинъ изъ крупныхъ составныхъ элементовъ его. Уже одно это обстоятельство должно было вызвать интересъ къ изученію древняго мѣстнаго населенія, съ незапамятныхъ временъ осѣвшего по берегамъ средней Оки и ея большихъ притоковъ. Ознакомившись съ бытовыми и племенными особенностями этихъ народцевъ, на сколько позволяютъ имѣющіеся археологическіе и антропологическіе матеріалы, можно понять, какія черты они внесли въ обликъ, характеръ и культуру Великорусскаго народа, образовавшагося изъ многихъ и далеко неоднородныхъ элементовъ. Имѣя понятіе о качествахъ составныхъ частей, явится возможность судить и о достоинствахъ цѣлаго.

Краткія и отрывочныя свѣдѣнія о далекомъ прошломъ нашей родины, сохранившіяся въ лѣтописяхъ и отчасти въ легендарныхъ преданіяхъ, слишкомъ недостаточны и смутны даже для приблизительнаго рѣшенія поставленнаго нами вопроса. Пытливости человѣческаго ума, — этому благороднѣйшему качеству нашей души, — пришла на помощь археологія. Благодаря настойчивымъ трудамъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ ученыхъ обществъ, посвятившихъ свои силы и знанія на розысканіе и изученіе древнихъ надземныхъ и подземныхъ памятниковъ, — дѣятельное стремленіе разсѣять густой мракъ, скрывавшій отъ нашихъ взоровъ сѣдую старину, — не осталось безплоднымъ. Археологическія изслѣдованія, произведенныя въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ на окраинахъ Европейской Россіи, въ ея среднихъ губерніяхъ и систематическія археологическія работы Рязанской Ученой Архивной Ком-

---

долинъ средней Оки. Языческіе могильники, изслѣдованные въ 1892 г. на Борковскомъ островѣ, служили кладбищемъ для древняго поселка. Въ настоящее время трудно указать мѣсто, гдѣ было раскинута селеніе, — рядъ вѣковъ и позднѣйшія постройки сгладили его слѣды. По нашимъ догадкамъ, поселокъ былъ расположенъ на бугрѣ, гдѣ стоятъ церкви Николаи Высокаго или на мѣстѣ ванѣшной Бутырской слободы. Намъ неизвѣстно, — кѣмъ и когда было основано древнее селеніе, неизвѣстно и названіе его. Конечно, не Переяславлемъ Рязанскимъ именовали его. Тѣмъ не менѣе, мы можемъ утверждать съ полною увѣренностію, что селеніе существовало и по тому времени оно было значительное, въ чемъ убѣждаютъ насъ размѣры и содержаніе его кладбищъ. Не будь на берегу Трубежа древняго селенія, не возникъ бы здѣсь и Переяславль Рязанскій. Основаніе послѣдняго было вызвано необходимостію имѣть наблюдательный и опорный пунктъ вблизи крупнаго поселка, населеннаго непокойными туземцами.

³⁾ Рѣчная область Оки въ первый разъ является въ исторіи съ обитателями Финскаго или Чудскаго племени. Но, заговоривъ о Финскомъ племени и его подраздѣленіяхъ, мы чувствуемъ подъ собою почву,

мисси, начатыя со времени открытія этого полезнаго учрежденія, позволяют намъ съ достаточною достовѣрностію обозначить въ общихъ чертахъ болѣе выдающіеся признаки трехъ отдѣльныхъ доисторическихъ періодовъ, пережитыхъ древнимъ населеніемъ Рязанскаго края, а именно: 1) *періода каменнаго вѣка*, 2) *періода употребленія металловъ* и 3) *періода торговыхъ сношеній съ арабами*.

Въ основу дѣленія на 3 періода доисторической жизни мѣстнаго населенія, мы полагаемъ преимущественно внѣшнія, этнографическія отличія его быта въ разныя эпохи, обнаруженныя за послѣднія семь лѣтъ цѣлымъ рядомъ раскопокъ въ предѣлахъ Рязанской губерніи, по берегамъ Оки. Иныхъ, вполне надежныхъ, матеріаловъ, имѣется очень мало въ нашемъ распоряженіи. Выводы же антропологии и лингвистики, по отношенію къ древнимъ обитателямъ Рязанскаго края, находятся въ зачатномъ состояніи,—они слишкомъ сомнительны и шатки, а потому и непригодны для положительныхъ заключеній по разсматриваемому нами вопросу и могутъ служить лишь какъ второстепенный вспомогательный матеріалъ. При такомъ положеніи нашихъ свѣдѣній, названные три періода имѣютъ условное значеніе, соответствующее качеству и количеству имѣющагося матеріала. Археологическій матеріалъ раскрываетъ передъ нами только отдѣльныя звенья доисторической жизни нашихъ предковъ и далеко не охватываетъ всей цѣпи крупныхъ событій и перемѣнъ, совершившихся въ составѣ и бытѣ населенія долины средней Оки со времени появленія первыхъ насельниковъ и до начала образованія Великаго княжества Рязанскаго. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ неполноты и крупныхъ пробѣловъ въ матеріалахъ является отсутствіе послѣдовательнаго и связнаго изображенія доисторическаго прошлаго Рязанскаго края въ нашемъ очеркѣ. Мы намѣчаемъ общій характеръ и болѣе выпуклыя особенности быта мѣстнаго населенія только тѣхъ эпохъ, изъ которыхъ уже добыты и изучены болѣе или менѣе многочисленныя и разнообразныя вещественныя памятники. Дальнѣйшія изслѣдованія надземной и подземной мѣстной старины, безъ сомнѣнія, дадутъ цѣнные результаты въ видѣ новыхъ матеріаловъ и не только пополнятъ и расширятъ наши знанія о доисторическомъ прошломъ родины, но и далеко отодвинутъ въ глубь начало нашей исторіи.

Между періодомъ каменнаго вѣка и употребленіемъ металловъ не

далеко нетвердую. Этотъ важный элементъ въ составѣ Русскаго государства представляетъ еще задачу для исторіи, и мы пока напрасно ищемъ въ ученой литературѣ авторитета, на который могли бы смѣло опереться въ своихъ выводахъ. Особенно мало сдѣлано для исторіи и этнографіи Финновъ восточной Россіи. Здѣсь на первомъ шагѣ насъ останавливаетъ затрудненіе отыскать границы между племенами Финскими, Турецкими и Монгольскими; передъ нами мелькаетъ множество названій, которыя никакъ не поддаются строгой классификаціи рода и вида“. Такъ говоритъ Д. И. Иловайскій о древнемъ населеніи Рязанскаго края въ Исторіи Рязанскаго княжества.

существуетъ послѣдовательной связи,—до настоящаго времени мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, которыя указывали бы на прямой переходъ одного періода къ другому. Наоборотъ, по нѣкоторымъ признакамъ, эти періоды, какъ кажется, раздѣляетъ большой промежутокъ времени, содержавшій переходныя эпохи, о которыхъ мы пока ничего не знаемъ. При археологическихъ изслѣдованіяхъ Рязанской губерніи, намъ не встрѣчались памятники, которые можно было-бы размагнривать какъ звенья, связующія каменный вѣкъ съ періодомъ широко распространенной металлической культуры. По своей продолжительности оба періоды представляютъ большое различіе,—культура каменнаго вѣка, несомнѣнно, весьма долго держалась въ разныхъ стадіяхъ своего развитія среди первобытнаго населенія, осѣвшего въ долину Оки; тогда какъ, періодъ металлической культуры, наблюдаемый нами въ языческихъ-могильникахъ, занималъ сравнительно короткое время,—не болѣе 4-хъ или 5-ти столѣтій. Третій періодъ, какъ мы полагаемъ, составляетъ прямое продолженіе второго,—между ними, по видимому, не было даже короткаго промежутка. Начало 3 періода относится къ VIII, а конецъ его къ началу XII ст. по Р. Хр.

Періодъ каменнаго вѣка.

На западѣ, археологи, изучая памятники и слѣды первобытнаго населенія, пришли къ положительному заключенію, что Европа была обитаема человѣкомъ уже въ *ледниковый періодъ*, т. е. тогда, когда нынѣшняя Финляндія, Олонецкая, Петербургская и Новгородская губерніи были покрыты мощными пластами льдовъ; когда въ Европѣ и южной Россіи въ изобиліи водились мамонты, ископаемые носороги, первобытные быки, пещерные медвѣди, львы и гигантскіе олени.

Въ теченіе многихъ тысячалѣтій первобытный человѣкъ, по условіямъ и обстановкѣ своей жизни, мало отличался отъ окружавшихъ его животныхъ. Жилищемъ ему служили естественныя пещеры; онъ не зналъ способовъ добыванія огня, не приручилъ животныхъ, не умѣлъ строить жилища и обрабатывать металлы. Все необходимое для своей несложной жизни человѣкъ приспособлялъ и выдѣлывалъ изъ дерева, кости и камня. Съѣдобныя части растеній, моллюски, рыбы и результаты охоты за звѣрами и птицами составляли его пищу, шкуры убитыхъ животныхъ служили для защиты тѣла во время холодовъ и ненастья. Этимъ весьма продолжительнымъ періодомъ отъкрывается начало культуры человѣка, называемой *каменнымъ вѣкомъ*. Сравнивая бытъ человѣка въ древнѣйшую, или *палеолитическую* эпоху каменнаго вѣка съ бытомъ его въ болѣе позднюю пору того же періода, или *неолитическую*, мы убѣждаемся въ крупныхъ побѣдахъ, одержанныхъ человѣкомъ въ долгой и постоянной борьбѣ съ неблагоприятными условіями, окружавшими зарю его культурной жизни.

Главнымъ средствомъ, доставившимъ человѣку возможность выбиться изъ безотраднaго животнаго состоянія, было проявленіе силы разума въ многочисленныхъ и важныхъ открытіяхъ. Въ неолитической періодъ каменнаго вѣка человѣкъ сдѣлалъ большой шагъ впередъ,—онъ уже пользуется огнемъ,—этою благотворною силою, много содѣйствовавшю успѣшному росту первобытной культуры; онъ умѣетъ не только дробить и оббивать камень, предназначая его для орудія или оружія, но уже вполне овладѣваетъ искусствомъ оттачивать, шлифовать и сверлить его. Человѣкъ научился строить жилища, выдѣлывать изъ дерева челны, изъ глины—посуду, украшать ее незатѣйливыми узорами и обжигать на огнѣ. Къ концу этого періода относятъ прирученіе животныхъ и первыя попытки земледѣлія. Всѣ извѣстные народы пережили культуру каменнаго вѣка, съ тою разницею, что у однихъ народовъ состояніе дикаго быта окончилось ранѣе, у другихъ—позднѣе.

Не останавливаясь на вопросѣ,—переживало-ли первобытное население Рязанскаго края палеолитической періодъ каменнаго вѣка ⁴⁾, мы можемъ смѣло утверждать, что оно переживало культуру неолитическаго періода въ теченіе длиннаго ряда столѣтій. Мы не знаемъ, когда и откуда пришли сюда первые насельники, когда человѣкъ впервые нарушилъ покой дѣвственной природы своимъ появленіемъ въ долину Оки. Первыми достовѣрными свидѣтелями о древнѣйшемъ мѣстномъ населеніи служатъ многочисленныя находки каменныхъ и костяныхъ орудій и оружія, грубыя и тонкія издѣлія изъ глины, собранныя на мѣстахъ такъ называемыхъ стоянокъ каменнаго вѣка ⁵⁾.

Издѣлія изъ камня, глины и кости своимъ обиліемъ, разнообразіемъ формъ и способовъ обработки, съ одной стороны—наглядно свидѣтельствуютъ о существованіи культуры каменнаго вѣка, пережитой древнѣйшимъ мѣстнымъ населеніемъ,—съ другой стороны—указываютъ на продолжительность и значительное развитіе ея.

---

⁴⁾ До настоящаго времени въ Рязанской губерніи не открыты изолированныя скопленія бытовыхъ предметовъ, которые можно бы съ увѣренностію отнести къ палеолитическому періоду каменнаго вѣка.

⁵⁾ На мѣстахъ, гдѣ обнаружены большія скопленія бытовыхъ предметовъ каменнаго вѣка, нерѣдко встрѣчаются остатки костровъ, очаговъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ булыжниковъ, и отбросы продуктовъ, служившихъ пищею для первобытныхъ людей. При наличности названныхъ остатковъ, такія мѣста принято называть *стоянками каменнаго вѣка*. По отношенію къ Окской долину, установившееся въ нашей археологической литературѣ наименованіе обозначенныхъ мѣстъ „стоянками“, на мой взглядъ, нельзя считать удачнымъ. Съ словомъ „стоянка“ является представленіе о временномъ, случайномъ и, во всякомъ случаѣ, непродолжительномъ пребываніи человѣка на опредѣленномъ мѣстѣ. На самомъ же дѣлѣ, стоянки, извѣстныя намъ на протяженіи Оки въ Рязанской губерніи, если не всѣ, то многіе изъ нихъ,—не представляютъ ясныхъ признаковъ кратковременнаго пребыванія чело-

Во многихъ мѣстахъ Рязанской губерніи, особенно по теченію Оки, на песчаныхъ буграхъ и розсыпяхъ, разбросанныхъ по берегамъ и на островахъ ея, собрано большое количество бытовыхъ предметовъ поздняго періода каменнаго вѣка. На основаніи этихъ находокъ, мы пытаемся дать приблизительное понятіе о бытѣ мѣстнаго первобытнаго населенія.

Для домашнихъ потребностей, охоты, защиты и нападенія нашимъ отдаленнымъ предкамъ служили топоры, молотки, ножи, сверла, долота, отбойники, наконечники стрѣлъ и копій, скребки и песты, выдѣланные изъ разныхъ породъ камня, преимущественно же изъ кремня. Кромѣ перечисленныхъ орудій и оружія, найдены мелкія подѣлки изъ кремня. Между ними встрѣчаются предметы, назначеніе которыхъ нелегко угадать, — напримѣръ, — небольшія узкія пластинки, похожія на стрѣлки, заостренный конецъ которыхъ имѣетъ болѣе или менѣе крутой загибъ и такія же, но только болѣе узкія пластинки безъ загиба. Между находками каменнаго вѣка довольно часто попадаются кости съ обточеннымъ острымъ концомъ; у нѣкоторыхъ изъ нихъ на тупомъ концѣ просверлено отверстіе. Нѣсколько костей, съ прекрасно обточеннымъ остриемъ, оказалось немного длиннѣе и толще теперешней крупной швейной иглы. Изрѣдка попадаются тщательно отдѣланные костяные наконечники стрѣлъ и костяныя лопатки. На мѣстахъ стоянокъ каменнаго вѣка въ большомъ количествѣ находятся обломки глиняной посуды, преимущественно горшковъ. Горшки грубой и тонкой ручной работы, темно-сѣраго или красновато-коричневаго цвѣта, выдѣланы изъ обыкновенной и иловатой глины съ примѣсью крупнаго песка или безъ него. На первоначальной ступени культуры уже появляются зачатки искусствъ, — первобытнѣйшій человекъ проявлялъ стремленіе къ

вѣка. На оборотъ, на мѣстахъ стоянокъ случается изрѣдка находить могилы первобытныхъ обитателей и слѣды ихъ поселковъ. То и другое скорѣе указываетъ на прочную осѣдлость, чѣмъ на временное пребываніе человека въ долину Оки. Правда, только что названные признаки осѣдлой жизни населенія въ періодъ каменной культуры попадаются чрезвычайно рѣдко, а потому могутъ казаться сомнительными. И мы признаемъ недостаточность ихъ, но имѣются еще другіе соображенія и факты косвенно подтверждающіе основательность нашего мнѣнія объ осѣдлой жизни населенія въ ту эпоху каменнаго вѣка, изъ которой сохранились тысячи разнообразныхъ бытовыхъ предметовъ. Въ предѣлахъ Рязанской губерніи изслѣдованіе культуры каменнаго вѣка только начато, обслѣдована едва-ли сотая часть ихъ, и предстоитъ еще много новыхъ открытій, въ числѣ ихъ безъ сомнѣнія будутъ остатки поселковъ и кладбищъ. Затѣмъ, многочисленность остатковъ первобытной культуры не оставляетъ сомнѣнія въ относительной густотѣ населенія въ ту эпоху. При значительномъ населеніи, конечно, было не малое число жилищъ; современемъ должны оказаться остатки ихъ. Едва ли это рѣшится утверждать, что все населеніе каменнаго вѣка жило въ долину Оки только въ теплое время года и съ наступленіемъ холодовъ,

красотѣ и изяществу. На обломкахъ горшковъ очень часто встрѣчаются разнообразныя узоры изъ черточекъ, ряби и ячеекъ.

Вмѣстѣ съ оружіемъ и черепками гончарныхъ издѣлій, случается находить украшенія въ видѣ небольшихъ округлыхъ пластинокъ изъ мягкихъ породъ камня съ отверстіемъ, просверленнымъ у края, и узкія, нѣсколько изогнутыя пластинки изъ кремня съ двумя зарубками на широкомъ концѣ, то и другое, очевидно, служило ожерельями. Желаніе привлекать на себя вниманіе другихъ и тогда уже побуждало людей изобрѣтать украшенія и, вѣроятно, тщеславиться ими передъ соплеменниками, неимѣвшими подобныхъ бездѣлушекъ. Какъ часто въ настоящемъ мы встрѣчаемъ наслѣдіе отдаленнаго прошлаго, къ которому многіе относятся съ такимъ презрительнымъ высокоуміемъ.

Описанныя орудія, оружіе и украшенія, само собою разумѣется, не исчерпываютъ всего состава инвентаря мѣстной культуры каменнаго вѣка, — въ него не вошли предметы, выдѣлывавшіеся изъ дерева и другихъ матеріаловъ растительнаго и животнаго происхожденія. Они исчезли безслѣдно, какъ легко разрушаемыя тлѣніемъ. Затѣмъ, вѣроятно, не всѣ каменные и костяныя издѣлія, служившія въ домашнемъ обиходѣ въ теченіе каменнаго вѣка, попали въ число извѣстныхъ намъ находокъ. Вообще, мѣстная культура каменнаго вѣка, судя по общей совокупности памятниковъ ея, собранныхъ въ короткое время въ долину Оки, была довольно сложна. Однородныя издѣлія какъ изъ кости, такъ изъ камня и глины представляютъ большое разнообразіе по своимъ формамъ и способамъ обработки. На однихъ и тѣхъ же мѣстахъ мы находимъ грубо оббитые или просто отколотые отъ ядрища кремневые ножики и наконечники стрѣлъ и тутъ же попа-

---

подобно стаямъ перелетныхъ птицъ, перекочевывало за тысячи верстъ на югъ. Отбрасывая предположеніе о періодическихъ массовыхъ перекочевкахъ населенія, какъ несообразное, мы должны допустить существованія жилищъ, приспособленныхъ для постояннаго жилья, по крайней мѣрѣ, въ теченіе холоднаго времени года. Такими жилищами могли служить естественныя пещеры. Огрицать подобную догадку нельзя. Однако, гдѣ же эти пещеры? До сихъ поръ въ нашей мѣстности не открыто ни одной пещеры съ признаками пребыванія въ ней первобытнаго человѣка. Отсутствіе пещеръ, обитаемыхъ въ отдаленную эпоху, дастъ поводъ заключать, что населеніе того времени умѣло строить жилища, защищавшія человѣка отъ суроваго ненастья и морозовъ. Кромѣ того, богатство и разнообразіе бытовыхъ предметовъ мѣстнаго каменнаго вѣка удостовѣряетъ насъ, что въ долину Оки каменная культура достигла высокаго развитія: человѣкъ уже владѣвъ большимъ искусствомъ, выдѣлывая изъ кости, камня и кремня прекрасныя орудія и оружіе, изящныя какъ по формамъ, такъ и по обработкѣ. Странно было бы думать, что въ тоже время человѣкъ не умѣлъ построить для себя немудрое постоянное жилье. Приведенныя нами соображенія придають значеніе безошибочныхъ фактовъ, тѣмъ не многимъ памятникамъ, которые мы разсматриваемъ какъ остатки построенныхъ поселковъ каменнаго вѣка.

даются изящной формы старательно обработанные оббивкою или даже шлифовкою тѣ же виды орудій и оружія. Эти признаки указываютъ на продолжительность культуры каменнаго вѣка, пережитой мѣстнымъ населеніемъ, и, какъ кажется, на послѣдовательное развитіе и осложненіе ея.

Частыя стоянки и очень немногіе слѣды поселковъ каменнаго вѣка, открытые въ Зарайскомъ, Рязанскомъ, Спасскомъ и Касимовскомъ уѣздахъ, знакомятъ насъ отчасти съ устройствомъ жилищъ первобытнаго населенія. Жилищами служили ямы глубиною отъ 1¹/₂ до 2 аршинъ и отъ 4¹/₂ до 6 аршинъ въ діаметрѣ; надъ ямоу устраивали шалашъ изъ тонкихъ жердей или вѣтвей, сверху прикрывали его землею ⁶⁾ Внутри изслѣдованныхъ ямъ землянокъ находились остатки небольшихъ костровъ, — угли, зола, мелкіе куски разбитыхъ булыжниковъ (величиною въ кулакъ средней руки) и обломки глиняныхъ горшковъ. Дробленные камни не могли служить для устройства очага; они имѣли другое назначеніе, — быть можетъ, посредствомъ ихъ кипятили воду въ горшкахъ, опуская раскаленные камни въ горшки съ водою. Въ ямахъ и кругомъ ихъ попадались кости животныхъ, рыбъ и птицъ. Крупныя кости, содержавшія мозгъ, были разбиты. Вблизи одной ямы было найдено скопленіе рыбьей чешуи. По остаткамъ отбросовъ можно судить о пищѣ мѣстнаго первобытнаго населенія. Рыба, мясо животныхъ и птицъ составляли существенную часть его пищи. Дикоростущіе плоды, ягоды, грибы и нѣкоторые виды растений, безъ семѣнія, входили въ составъ пищи и разнообразили ее. Если не вся мясная пища, то, повидимому, часть ея приготовлялась на огнѣ, — въ отбросахъ пищевыхъ продуктовъ попадались кости съ ясными слѣдами дѣйствія огня на нихъ. Мясо убитыхъ животныхъ могли печь на огнѣ, на горячихъ угольяхъ, или варить его въ горшкахъ съ водою. По формамъ сохранившихся рыбьихъ костей и отдѣльныхъ чешуекъ, замѣтно, что между ними чаще другихъ видовъ рыбъ попадались лещи

---

⁶⁾ Въ 1892 году, во время раскопокъ Борковскаго могильника, были изслѣдованы бугры, лежащіе возлѣ могильника, на одномъ изъ нихъ была обнаружена землянка. Обслѣдованіемъ ея занимался В. А. Городцовъ; по его мнѣнію, землянка представляетъ остатки жилья каменнаго вѣка.

Мнѣ удалось случайно натолкнуться на слѣды поселковъ каменнаго вѣка въ 2 мѣстахъ, — близъ Рязани, на Борковскомъ островѣ къ югу отъ Сагоръ горы обнаружено 2 ямы, и въ Зарайскомъ уѣздѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ с. Бѣлоомута, въ урочищѣ Большой лѣсъ, на правомъ берегу Оки найдена одна яма. Внимательно разбирая остатки найденныхъ ямъ, мною были замѣчены, — какъ въ верхнемъ слое земли, лежавшемъ непосредственно надъ ямами, такъ и въ землѣ, наполнявшей ямы, — узкіе прожилки земли, окрашенной въ коричневый цвѣтъ. Эти коричневые прожилки я считаю слѣдами истлѣвшихъ жердей или вѣтвей, прикрывавшихъ ямы сверху.

и шуки. Скопление чешуи, найденное близъ остатковъ жилища, позволяетъ предполагать, что нѣкоторые виды рыбы предварительно очищали отъ чешуи и затѣмъ употребляли въ пищу. Между костями крупныхъ животныхъ чаще другихъ попадались кости кабана и лося; относительно небольшихъ звѣрковъ и птицъ, первобытное мѣстное население, какъ кажется, недѣлало предпочтенія тѣмъ или другимъ видамъ ихъ, а употребляло пернатыхъ и мелкихъ животныхъ безъ всякаго выбора.

Изъ приведеннаго перечня пищевыхъ продуктовъ мы видимъ, какъ питательна и разнообразна была пища нашихъ отдаленныхъ предковъ. Для добыванія ея населенію приходилось затрачивать немного труда, — дѣятельная природа щедро оплачивала богатою добычею незначительныя усилія чловѣка и не требовала отъ него особенной предусмотрительности и заботъ о завтрашнемъ днѣ: во всякое время года неистощимыя средства для пропитанія немногочисленнаго населенія были подъ руками.

Найденные памятники первобытной культуры даютъ довольно опредѣленное понятіе о бытѣ и дѣятельности населенія въ періодъ каменнаго вѣка. Главнымъ занятіемъ населенія была охота и рыбная ловля; изъ другихъ промысловъ — не мало времени и труда брала выдѣлка орудій, оружія и глиняной посуды, а также приготовленіе одежды, украшеній и разныхъ мелочей для домашняго обихода. Объ одеждѣ первобытнаго населенія мы не имѣемъ никакого понятія, — вѣроятно въ составъ ея входили, главнымъ образомъ, шкуры животныхъ. Земледѣліе еще не существовало, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ неизвѣстно ни одного орудія каменнаго вѣка, которое можно было бы приурочить къ земледѣлію. Да едва-ли въ немъ и представлялась надобность, когда естественныя богатства страны лились черезъ край, — изобиліе животныхъ и птицъ въ лѣсахъ, множество рыбы въ рѣкахъ и озерахъ съ избыткомъ обезпечивали продовольствіе населенія. До настоящаго времени не обнаружены ясныя признаки пользованія прирученными животными въ эпоху мѣстнаго каменнаго вѣка. Кости собаки случалось находить на стоянкахъ, но были-ли эти собаки спутниками первобытнаго чловѣка или попали случайно на мѣста стоянокъ каменнаго вѣка, — мы не можемъ дать положительнаго отвѣта.

Не смотря на неблагоприятный климатъ, не смотря на примитивное состояніе орудій, оружія и всей обстановки, первобытное населеніе, повидимому, вполне приспособилось къ условіямъ мѣстной природы, легко удовлетворяло свои потребности и незнакомо было съ лишениями.

Къ сожалѣнію, мы имѣемъ слишкомъ мало данныхъ, которыя раскрывали бы передъ нами основы внутренней и общественной жизни первобытнаго населенія; мы не знаемъ ничего опредѣленнаго ни о вѣрованіяхъ, ни о характерѣ отношеній въ обществѣ его. Въ этой области

наши свѣдѣнія крайне скудны и намъ приходится довольствоваться почти одними догадками и аналогіями.

Остатки стоянокъ каменнаго вѣка встрѣчаются довольно часто по берегамъ Оки; онѣ находятся въ недалекомъ разстояніи одна отъ другой. Можно полагать, что и поселки каменнаго вѣка были расположены близко одинъ отъ другого. При этомъ, между населеніемъ сосѣднихъ поселковъ скорѣе должны были быть мирныя отношенія, чѣмъ раздоры: при враждебномъ настроеніи сосѣдей, непрѣнно явилось бы стремленіе селиться на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, возбѣжаніе частыхъ и неожиданныхъ нападений близкихъ враговъ. Въ ту отдаленную пору, проявленіе злобы и насилія случалось между людьми, но распри и войны первобытнаго населенія не могли сопровождаться такими бѣдствіями и массовыми избиеніями противниковъ по всѣмъ правиламъ военнаго искусства, какія намъ передаетъ исторія въ описаніи частыхъ побоищъ, происходившихъ между народами въ болѣе близкія къ намъ времена.

Обстановка погребеній нѣсколько знакомитъ насъ съ идеями первобытнаго человѣка о загробной жизни ⁷⁾. На первыхъ ступеняхъ сознательной жизни, человѣкъ уже не могъ помириться съ ограниченномъ предѣломъ своего земнаго существованія, и тогда уже люди смотрѣли на смерть какъ на простой переходъ къ другой безконечной жизни. Присутствіе въ могилахъ, вмѣстѣ съ останками усопшаго, каменнаго оружія и глиняной посуды не имѣло бы смысла, если-бы не было твердой вѣры въ продолженіе жизни за гробомъ. Помѣщая въ могилу съ тѣломъ умершаго бытовые предметы, живые выражали этимъ обычаемъ увѣренность въ наступленіи послѣ смерти иной жизни, гдѣ снова понадобятся оружіе и другіе предметы земнаго обихода. Вся жизненная дѣятельность первобытныхъ людей вращалась въ предѣлахъ удовлетворенія насущнѣйшихъ потребностей. Такое содержаніе

---

⁷⁾ Въ Рязанской губерніи мною случайно найдены двѣ могилы, относящіяся къ каменному вѣку.—одна въ Зарайскомъ уѣздѣ въ 3 верстахъ отъ с. Бѣлоомута, на правомъ берегу Оки; другая—близъ Рязани, на Борковскомъ островѣ. Первое погребеніе обнаружено при слѣдующихъ условіяхъ: на глубинѣ 6 вершковъ отъ поверхности земли, подъ почвеннымъ слоемъ, состоящимъ изъ суглинка, оказалось 4 обломка отъ глинянаго горшка съ характернымъ украшеніемъ въ видѣ ячеекъ; ниже залегала твердая сѣрая глина такой плотности, что желѣзныя лопаты не брали ее,—затвердѣлую глину приходилось вырубать топорами. На глубинѣ 2¼ аршинъ найдены обломки кремней, тутъ же обнаружались остатки совершенно истлѣвшаго костяка, расщепленнаго тяжестью земли; отъ костей сохранились одни известковыя отложенія, которыя не было возможности отдѣлать отъ плотной глины. При такомъ состояніи костяка, объ измѣреніяхъ нельзя было и думать. Покойникъ лежалъ, повидимому на спинѣ, головою на востокъ, ногами на западъ. Подъ тазовыми костями лежало три небольшихъ камня (песчаники), два изъ нихъ округлой формы, третій же походилъ на клинъ;

жизни не составляет исключительной принадлежности одних первобытных людей,—тѣ же самыя потребности и побужденія играютъ первенствующую роль въ жизни огромнаго большинства людей и въ послѣдующія, болѣе культурныя эпохи.

Неприглядна, убога была обстановка первобытнаго человѣка, низменны и ограниченны были интересы его жизни; но непривлекательныя и отталкивающія стороны дикаго существованія выкупались широкимъ просторомъ, полною свободою дѣятельности и отсутствіемъ постоянного и часто изнурительнаго труда, на который обречено большинство современнаго человѣчества; тогда не было бьющаго въ глаза блеска цивилизаціи съ ея соблазнительною роскошью, мишурою и заманчивыми утѣхами, вмѣстѣ съ тѣмъ, первобытный человѣкъ не зналъ той мучительной розни между понятіями и практикою жизни, тѣхъ сложныхъ, условныхъ обязанностей, которыя отравляютъ жизнь большинства людей въ цивилизованныхъ обществахъ. Первобытный человѣкъ близко стоялъ къ природѣ, жилъ съ нею одною жизнью, и, въ теченіе многихъ тысячелѣтій подѣя ея непосредственнымъ воздѣйствіемъ и вліаніемъ унаслѣдованнаго отъ предковъ, выработывалъ свои навыки, характеръ и міровоззрѣнія, вполне гармонизировавшія съ его жизненною дѣятельностью. Результаты такой многовѣковой работы глубоко и прочно залегали въ душѣ первобытныхъ людей, такъ сказать, входили въ ихъ плоть и кровь и преемственно передавались въ потомство.

О наружныхъ признакахъ первобытнаго населенія долины средней Оки мы почти ничего не знаемъ. Находки костяковъ мѣстнаго населенія каменнаго вѣка чрезвычайно рѣдко встрѣчаются; кромѣ того, два, три извѣстныхъ намъ костяка такъ плохо сохранились, что на основаніи ихъ нельзя придти къ положительнымъ выводамъ объ антропологическихъ особенностяхъ первобытнаго населенія. Пока можно сказать, что древнѣйшіе обитатели Рязанскаго края были средняго роста, и, какъ кажется, длинноголовые. По характеру своему они были скорѣе мирны, чѣмъ воинственные.

надъ остатками костяка собрано пять обломковъ отъ глиняныхъ горшковъ, гладкихъ и съ ячеистыми украшеніями и обломки кремней, на 2 изъ нихъ замѣтны слѣды обработки рукою человѣка. Второе, болѣе позднѣе погребеніе, которое, по моему мнѣнію, относится къ концу мѣстнаго періода каменнаго вѣка, найдено на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ аршинъ отъ поверхности земли. Поврежденный глѣніемъ костякъ лежалъ головою на ЮЗЗ., ногами на СВВ.; тѣло было склонено на правую сторону, кисть согнутой въ локтѣ лѣвой руки находилась подѣ челюстью; значительно истлѣвшій черепъ вмѣстѣ признаки длинноголовости. Длина костяка приблизительно равнялась $2\frac{1}{4}$ аршинамъ. Въ головахъ стоялъ глиняный горшокъ, красноват-коричневаго цвѣта, средней величины ($3\frac{1}{4}$ вершка высоты), ручной выдѣлки, съ наклонно-параллельными черточками по краю прямого вѣнчика. Кромѣ горшка при костякѣ ничего не оказалось.

Историческая жизнь Рязанскаго края является краткимъ эпизодомъ, сравнительно съ продолжительностію періода каменнаго вѣка, пережитаго древнѣйшимъ мѣстнымъ населеніемъ. Вотъ почему, до настоящаго времени такъ стойко и упорно держатся въ народномъ сознаніи архаическіе понятія и навыки. То и другое составляетъ наслѣдіе первобытной жизни, не устраненное еще слабымъ культурнымъ вліяніемъ исторической эпохи. Много потребуется времени и честныхъ усилій со стороны просвѣщеннаго меньшинства, чтобы стереть слѣды отдаленнаго наслѣдства съ понятій и навыковъ народныхъ массъ.

Періодъ употребленія металловъ.

Когда и какими путями на берега Оки начали проникать металлическія издѣлія на смѣну каменныхъ орудій, оружія и украшеній, — на этотъ вопросъ археологія не даетъ опредѣленнаго отвѣта.

Принимая въ соображеніе географическое положеніе Рязанскаго края по отношенію къ древнимъ культурнымъ народамъ, гдѣ сосредоточивались главные торговые рынки, снабжавшіе разнообразными произведеніями своей промышленности какъ сосѣднія, менѣ культурныя страны, такъ осѣдлыхъ дикарей и дикарей кочевниковъ, занимавшихъ восточную Европу, — можно намѣтить направленіе внѣшнихъ торговыхъ сношеній мѣстнаго населенія въ глубокой древности.

Рѣки искони служили главными путями сообщенія съ ближайшими и отдаленными народами. Для нашего края Ока открывала свободный путь на СВ., В. и на ЮВ. къ Каспію; верховья Дона, оближенные съ Окою рѣкою Пронею, соединяли Рязанскій край съ берегами Азовскаго и Чернаго морей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ Кавказомъ. Въ этихъ мѣстахъ, за семь столѣтій до Р. Хр. появились и быстро развились дѣятельныя греческія колоніи, представлявшія передовые посты высокой культуры на территоріи варваровъ. Посредственныя и непосредственныя торговыя сношенія областей, прилегающихъ къ Дону и средней Окѣ, должны были тяготѣть къ ЮВ. и Ю., и оттуда же должно было приходить преобладающее вліяніе на первоначальное развитіе внѣшняго быта обитателей средней Оки.

Руководясь приведенными соображеніями, мы предполагаемъ, что первымъ знакомствомъ съ желѣзнымъ оружіемъ и другими металлическими издѣліями наши предки обязаны скиеамъ. Появленіе скиеовъ въ Европѣ относятъ къ VIII ст. до Р. Хр. Вліяніе скиеовъ на культуру кореннаго населенія сѣверо-восточной Европы охватывало обширное пространство, — отъ Каспійскаго до Балтійскаго моря и отъ сѣвернаго побережья Чернаго моря до Оки и Западной Двины. Скиеи познакомили племена, обитавшія на обозначенномъ пространствѣ, съ металлическими издѣліями, были посредниками, хотя въ слабой мѣрѣ, въ возникавшихъ торговыхъ сношеніяхъ между греческими колоніями

и племенами, занимавшими нынѣшнюю среднюю Россію, и такимъ образомъ являлись проводниками произведеній греческой промышленности въ среду дикихъ племенъ.

Съ паденіемъ могущества скивовъ Паралатовъ, наступила эпоха частыхъ наплывовъ кочевыхъ народовъ, передвигавшихся изъ Азіи въ Европу и послѣдовательно занимавшихъ Поволжскія, Придонскія и Прикаспійскія степи. Близкое сосѣдство кочевниковъ въ большей или меньшей мѣрѣ отражалось на бытовыхъ сторонахъ населенія средней Оки. Смѣны дикихъ кочевниковъ въ Придонскихъ и Прикаспійскихъ степяхъ, кажется, не вносили особыхъ измѣненій въ характеръ отношеній ихъ къ населенію Рязанскаго края, — одни изъ кочевниковъ, болѣе слабые, становясь ближайшими сосѣдями нашихъ предковъ, сближались съ ними на мирной почвѣ торговыхъ сношеній; болѣе сильные и воинственные кочевники, а такихъ было большинство, подчиняли населеніе долины средней Оки и господствовали надъ нимъ. Въ обоихъ случаяхъ мѣстное коренное населеніе не только ничего не выигрывало въ смыслѣ духовнаго и культурнаго развитія отъ сосѣдства дикихъ кочевниковъ и отъ порабощенія ими, а скорѣе задерживало естественное развитіе хорошихъ сторонъ, присущихъ первобытнымъ племенамъ, обитавшимъ въ долинѣ Оки. На Рязанскій край палъ роковой удѣлъ выносить удары кочевыхъ ордъ въ теченіе многихъ столѣтій. Эти дикія орды, какъ крѣпкая стѣна, отдѣляли населеніе нашего края отъ непосредственнаго сближенія съ болѣе просвѣщенными народами, обладавшими развитыми формами общественной жизни и сравнительно высокою культурою. Такое положеніе продолжалось много вѣковъ и оставило глубокіе слѣды на коренномъ мѣстномъ населеніи.

Въ концѣ VII и въ VIII ст., во время наибольшаго развитія могущества Хазарскаго Хаганата, господство хазаръ, повидимому, простиралось на СЗ. до устья Оки, а быть можетъ, и до устья Камы. Въ IX ст., на сѣверѣ распространеніе и упроченіе вліянія хазаръ на дикія племена туземцевъ задержали и ослабили новгородскіе славяне съ ихъ варяжскими дружинами. Движеніе новгородцевъ на востокъ началось издавна; въ IX ст. они проникли въ нынѣшнія Ярославскую и Владимірскую губерніи, подчинили мѣстное населеніе и вошли въ соприкосновеніе съ племенами, бывшими въ зависимости отъ хазаръ. Съ другой стороны, — на западѣ владычество хазаръ оканчивалось за Днѣпромъ ⁸⁾. До второй половины X ст. Рязанскій край находился въ зависимости отъ хазаръ. Южно русскія князье, разгромивши во второй половинѣ X ст. Хазарское царство, подчинили себѣ населеніе долины средней Оки, и въ концѣ XI ст. уже прочно водворились въ завоеванной области.

---

⁸⁾ В. Григорьевъ, — «Обзоръ политической исторіи Хазаровъ» Стр. 18 и 19.

Вещественные памятники, относящиеся къ началу появленія металлическихъ издѣлій въ долину Оки до сего времени не открыты, и намъ неизвѣстно, въ какой послѣдовательности шло и распространялось употребленіе металловъ среди древняго мѣстнаго населенія. Несомнѣнно культура каменнаго вѣка на Окѣ исчезла невдвугъ, она угасала постепенно и только въ теченіе продолжительнаго времени въ домашнемъ обиходѣ мѣстнаго населенія могла совершиться полная замѣна каменныхъ и костяныхъ издѣлій желѣзными, бронзовыми и серебряными. Между каменнымъ вѣкомъ и періодомъ употребленія металловъ, вѣроятно, былъ промежуточный періодъ совмѣстнаго употребленія каменныхъ, костяныхъ и металлическихъ издѣлій. Въ Рязанской губерніи остатки этой переходной эпохи еще не обнаружены, а также не найдено рѣшительно никакихъ слѣдовъ самостоятельной мѣдной или бронзовой культуръ, которыя у другихъ народовъ составляютъ переходную ступень отъ каменной культуры къ желѣзной. Ограничиваясь только извѣстными памятниками изъ быта древняго мѣстнаго населенія и не предрѣшая характера будущихъ находокъ, мы пока должны признать отсутствіе бронзоваго періода на берегахъ средней Оки.

Самые древніе изъ извѣстныхъ намъ памятниковъ періода употребленія металловъ найдены въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ въ языческихъ могильникахъ, открытыхъ по берегамъ Оки, въ Рязанскомъ, Спасскомъ и Касимовскомъ уѣздахъ. Три могильника, — Курзанскій, Борковской и Кузьмицскій, — обстоятельно изслѣдованы; три другіе, — Пальновскій, Старорязанскій и Тырновскій еще ждутъ раскопокъ; кромѣ того, въ нѣсколькихъ мѣстахъ по Окѣ, обнаружены признаки могильниковъ, повидимому, принадлежащихъ къ одной эпохѣ съ открытыми.

Во время образованія названныхъ могильниковъ, въ предѣлахъ Рязанской губерніи по теченію Оки было раскинута не малое число селеній. По числу жителей селенія были крупныя и малыя. Въ настоящее время можно уже указать мѣстонахожденіе двухъ большихъ селеній. Самое многолюдное селеніе, такъ сказать, столица области находилась на мѣстѣ нынѣшняго села Старая Рязань, Спасскаго уѣзда. О размѣрахъ и значеніи древняго селенія мы судимъ по обширности его кладбища, которое занимаетъ болѣе 4 десятины. Впослѣдствіи, южно русскіе князья построили здѣсь укрѣпленный городокъ и назвали его „Рязань“. Быть можетъ, наименованіе новаго городка было одинаковое съ древнимъ селеніемъ, основаннымъ коренными мѣстными жителями въ глубокой древности. Первые рязанскіе князья избрали Рязань своимъ столичнымъ городомъ. Обширныя укрѣпленія Рязани, валы и мѣстами передовые рвы сохранились до сихъ поръ и свидѣтельствуютъ намъ о внушительныхъ размѣрахъ древней столицы Великаго княжества Рязанскаго. Въ время нашествія Батюга, въ 1237 году Рязань потерпѣла разрушительный, ужасный погромъ, послѣ

котораго она не могла возстановить своего бывшаго величія и значенія; городъ захирѣлъ и уступилъ свое первенство Переяславлю-Рязанскому, нынѣшней Рязани.

Невольно обращаетъ на себя вниманіе археолога любопытное совпаденіе: въ доисторическую эпоху и въ началѣ историческаго бытія Великаго княжества Рязанскаго главный населенный пунктъ занималъ одно и тоже мѣсто. Какія причины вызвали развитіе древнѣйшаго селенія и преемственное сохраненіе того же значенія вновь основаннымъ княжескимъ городкомъ, вскорѣ приобрѣвшимъ преимущества стольнаго города великаго княжества? Географическое положеніе мѣста въ связи съ главнымъ направленіемъ выѣзнихъ торговыхъ сношеній Рязанскаго края даетъ намъ вѣрный отвѣтъ на поставленный вопросъ. Рязань стояла на правомъ крутомъ берегу Оки, въ 6 верстахъ отъ устья Прони, впадающей съ правой стороны въ Оку. Проня соединяла Оку съ верховьями Дона, не большой переволокъ не представлялъ препятствія на этомъ пути. По нашему мнѣнію, существованіе въ глубокой древности, на правомъ берегу Оки, вблизи отъ устья Прони обширнаго селенія указываетъ на важное значеніе воднаго пути на югъ, Проню къ Дону. Очевидно, Проня искони служила дорогою въ Придонскія и Прикаспійскія степи и къ побережью Азовскаго и Чернаго морей; туда направлялась выѣзняя торговля, отсюда шла угроза нападеній опасныхъ враговъ, и тамъ находились центры временныхъ властителей Рязанскаго края. Этимъ обстоятельствомъ объясняется какъ развитіе и упроченіе значенія достоисторическаго селенія, такъ и выборъ этого пункта для стольнаго города Великаго княжества Рязанскаго, которое въ началѣ своей исторической жизни имѣло важныя политическія и торговыя связи съ югомъ. Въ XIV ст., когда политическія и торговыя связи Рязанскаго княжества съ югомъ утратили свое первенствующее значеніе, стольнымъ городомъ избранъ Переяславль Рязанскій, по своему положенію болѣе соответствующій новымъ потребностямъ времени.

Второе изъ болѣе многолюдныхъ древнѣйшихъ селеній было расположено на правомъ берегу Трубежа, на мѣстѣ нынѣшней Рязани. Развитію этого селенія способствовала Ока и впадающіе въ нее съ правой стороны притоки, — Павловка и Вожа. Последнія двѣ рѣки съ своими мелкими притоками проникали далеко въ глубь края и служили удобными путями для подвоза къ Окѣ мѣстныхъ продуктовъ для продажи или обмѣна на товары, доставляемые сюда по Окѣ изъ сосѣднихъ и отдаленныхъ областей.

Содержаніе изслѣдованныхъ могильниковъ вводитъ насъ въ періодъ развѣтливой металлической культуры уже достигшей значительнаго развитія. Никакихъ слѣдовъ каменнаго вѣка не имѣется въ бытовыхъ предметахъ населенія, оставившаго цѣлый рядъ рязанско-окскихъ могильниковъ. Мы находимъ оружіе исключительно желѣзное, украшенія

бронзовыя, желѣзныя и серебряныя, бусы стеклянныя или изъ композиціи, остатки одежды изъ шерстяныхъ тканей разнаго качества.

Изученіе бытовыхъ предметовъ, антропологическаго матеріала и особенностей въ обрядности похоронъ даютъ довольно опредѣленное понятіе о степени развитія внѣшней культуры, бытѣ и отчасти о характерѣ населенія занимавшаго долину средней Оки съ VII до второй половины VIII стол. Должно замѣтить, что хотя мы и относимъ образование окскихъ могильниковъ къ обозначенному періоду, но не рѣшимся настаивать на точности нашего опредѣленія, — оно и для насъ остается лишь приблизительнымъ, такъ какъ мы не имѣемъ положительныхъ указаній на время, къ которому относятся рязанско-окскіе могильники.

При изученіи могильнаго инвентаря, прежде всего бросается въ глаза относительное богатство населенія и обиліе желѣзнаго оружія при мужскихъ погребеніяхъ. Бытовая обстановка каменнаго вѣка оказывается бѣдною при сравненіи ея съ содержаніемъ могильниковъ.

Въ періодъ употребленія металловъ одежда мужчинъ и женщинъ приготовлялась преимущественно изъ шерстяныхъ тканей, разнообразныхъ по качеству шерсти и способамъ выдѣлки ихъ. Мужчины, кромѣ обычной одежды, имѣвшей, какъ кажется, сходство съ казакинѣмъ, носили верхнюю одежду изъ болѣе плотной шерстяной ткани или мѣховую, смотря по времени года. У ворота верхняя одежда застегивалась бронзовою пряжкой или крупною красивою бронзовою фибулою; фибулы встрѣчались разной величины и формы⁹⁾. Мужчины щеголяли оружіемъ и ремennыми поясами, украшенными наборомъ изъ бронзовыхъ или серебряныхъ бляшекъ. Болѣе употребительнымъ оружіемъ служили, — копьѣ, дротикъ, топоръ и ножикъ; желѣзные наконечники копій отличаются большимъ разнообразіемъ, особенно часто встрѣчаются съ листовиднымъ перомъ; топоръ по своей формѣ напоминаетъ массивное долото или кельтъ, съ продольнымъ гнѣздомъ для насадки на кривую рукоятку; рѣже встрѣчались мечи, особенно длинные обоюдо-острые; послѣдними, кажется, обладали только воины — начальники; короткіе одно-сторонніе мечи попадались чаще. Желѣзные наконники стрѣлъ найдены въ немногихъ могилахъ. Повидному были въ употребленіи и пращи, по крайней мѣрѣ, при остаткахъ мужскихъ погребеній нерѣдко находили округлой формы небольшіе голыши; эти камни могли служить для метанія изъ пращи. Ни разу не было обнаружено остатковъ

⁹⁾ Фибулы, употреблявшіяся для застегиванія верхней одежды, найдены 3-хъ видовъ: 1) такъ называемыя „готскія“, съ широкою полукруглою верхнею частью, украшенною по краю круглыми отверстиями, съ выгнутою дужкою по срединѣ и узкимъ нижнимъ концомъ; поверхность фибулы орнаментирована небольшими кружками съ точкою въ центрѣ; 2) разной величины фибулы крестообразныя, съ болѣе или менѣе расширенною внизу ножкою, и 3) самострѣловидныя.

шлемовъ и щитовъ; должно думать, что ни то, ни другое или совсѣмъ не входило въ составъ вооруженія мѣстныхъ воиновъ, или какъ шлемы, такъ и щиты готовились изъ кожи, войлока или дерева и, не имѣя металлическихъ частей, безслѣдно истлѣли. Во многихъ мужскихъ могилахъ оказались желѣзные удила; вблизи нѣсколькихъ мужскихъ погребеній найдены остатки истлѣвшихъ лошадиныхъ костей. Очевидно, мужское населеніе было привычно къ коню, и конь игралъ важную роль въ жизни тогдашняго воина. Мужчины — воины носили бронзовые и серебряныя украшенія, — гривну на шеѣ, всегда не болѣе одной; бронзовыя браслеты на запястьѣ, спиральныя кольца на пальцахъ рукъ, на груди большія бронзовыя круглыя бляхи съ привѣсками или съ круглымъ отверстіемъ по срединѣ, прикрытымъ крышкою, и треугольными прорѣзами, звѣздообразно расположенными вокругъ отверстія. Въ одномъ случаѣ оказались на груди двѣ серебряныя фигурныя бляшки, и въ двухъ погребеніяхъ найдено возлѣ уха по одному серебряному колечку съ несведенными концами. Въ большей части мужскихъ могилъ, преимущественно въ ногахъ, находилось по одному глиняному горшку средней величины, довольно грубой ручной выдѣлки, гладкіе или съ незамысловатымъ орнаментомъ въ видѣ наклонныхъ черточекъ по краю прямого вѣчика. Попадались небольшіе куски кремня, вѣроятно, для высѣканія огня и оселки изъ мелкозернистаго камня.

Наряды богатыхъ женщинъ отличались пестротой, обиліемъ металлическихъ украшеній и бусъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были покрыты съ головы до ногъ разнообразными бронзовыми украшеніями. Женщины носили рубашку съ рукавами до кисти руки изъ шерстяной ткани и и въ рѣдкихъ случаяхъ — изъ холста; на рубашку надѣвали короткую одежду въ родѣ полукафтаныя съ рукавами; юбка полукафтаныя спускалась до колѣнъ; эту одежду шили исключительно изъ шерстяной ткани. У богатыхъ женщинъ подолъ полукафтаныя украшался бронзовыми коническими или трапецевидными плоскими привѣсками, пришитыми къ краю подола въ видѣ густой бахромы. Поверхъ полукафтаныя носили верхнюю одежду изъ болѣе глубокой шерстяной ткани или мѣховую; эта часть женскаго одѣянія застегивалась бронзовою крупною пряжкой или фибулою, которыя обыкновенно лежали на верхней части груди, возлѣ шея. Голову украшали повязкою изъ цвѣтной шерстяной ткани, сложенной вдвое или втрое; у менѣе богатыхъ женщинъ основу повязки составляла полоса изъ луба, кожи или бересты, обтянутая съ лицевой стороны шерстяною тканью. Богатыя повязки по всей длинѣ украшались бронзовыми спиралями, расположенными по верхнему и нижнему краю горизонтальными рядами, и бронзовыми пряжками, изрѣдка скрѣпляющими ряды спиралей съ повязкою; мѣста соединенія звеньевъ спиралей прикрывались бронзовыми круглыми бляшками и обоймицами съ плоскими колечками, послѣднія всегда идутъ по краю повязки, обращенному къ лицу; иногда тутъ же

находились мелкія коническія или плоскія трапецевидныя бронзовыя привѣски, спускавшіяся въ видѣ бахромы съ нижняго края повязки на лобъ. Форма повязокъ была неодинаковая, — большая часть ихъ имѣла ширину въ одинъ вершокъ или немного болѣе и походила на ленту, охватывающую верхнюю часть лба и скрѣпленную на нижней части затылка въ видѣ банта. На лицевой сторонѣ этихъ повязокъ, во всю ихъ длину, постоянно прикрѣплялся узкій вѣнчикъ, составленный изъ прилегающихъ другъ къ другу трехъ рядовъ бронзовыхъ спиралей, перехваченныхъ въ мѣстахъ соприкосновенія отдѣльныхъ звеньевъ, бронзовыми обоймицами, придерживающими по одному овальному плоскому колечку; къ колечкамъ, всегда расположеннымъ по краю повязки, обращенному къ лицу, прикрѣплялись небольшие кисти изъ шерстяныхъ шнурковъ. Найдена и двойная повязка, обѣ изъ шерстяной ткани; верхняя сторона ея покрыта бронзовыми спиралями, идущими по краямъ повязки двумя рядами по всей длинѣ; между ними, наклонно одна къ другой, пришиты къ повязкѣ отдѣльныя спирали, представляющія зигзагообразную линію. Кромѣ спиралей, повязку украшаютъ круглыя бляшки и бронзовыя пряжки, соединяющія двойной рядъ спиралей, идущій по нижнему краю повязки, съ вѣнчикомъ, составленнымъ изъ трехъ горизонтальныхъ рядовъ спиралей съ плоскими колечками въ обоймицахъ, прикрывающихъ мѣста соединенія отдѣльныхъ звеньевъ вѣнчика. Нижняя шерстяная повязка выступала наружу изъ подъ верхней только на нижней части затылка въ видѣ банта, изъ подъ котораго спускалась на спину узкая полоса шерстяной матеріи, раздѣляющаяся на отдѣльные шнурки, шнурки постепенно распадаются на болѣе тонкіе, такъ что получается бахрома, похожая на распущенную косу, покрывавшую верхнюю часть спины. Кромѣ повязокъ, служившихъ главнымъ образомъ украшеніемъ, а не защитою головы отъ холода, женщины носили головной уборъ, какъ кажется, сходный съ башлыкомъ. Башлыкъ дѣлался изъ толстой шерстяной ткани или мѣховые. Къ головнымъ повязкамъ прикрѣплялись разной формы височныя бронзовыя подвѣски или разной величины височныя кольца. Какъ височныя подвѣски, такъ и отдѣльныя височныя кольца или короткія цѣпи изъ 4, 5 или 6 соединенныхъ одно съ другимъ колець спускались на уши и прикрывали ихъ. Шею украшали бронзовыми, изрѣдка желѣзными, гривнами (обручами). Нѣкоторой формы гривны носили исключительно однѣ женщины, напр. бронзовыя съ круглыми коробками и плоскія, расширяющіяся отъ концовъ къ срединѣ; замѣчательно, что у женщинъ не оказалось ни одной серебряной гривны, тогда какъ у мужчинъ — воиновъ онѣ встрѣчались. Ожерелья были любимымъ украшеніемъ женщинъ. Въ составъ ожерелій входили бронзовыя привѣски разной формы, а иногда и серебряныя, бронзовыя спирали (въ видѣ узкихъ трубочекъ въ вершокъ длиною, плотно свитыхъ изъ тонкой бронзовой проволоки), мелкія стежляныя изнутри

золоченныя бусы, красныя бусы изъ композиціи, величиною отъ просянаго зерна до лѣсного орѣха, и стеклянный цвѣтной бисеръ. Ожерелья встрѣчались въ одну нитку, чаще въ двѣ и три, но попадались и въ шесть нитокъ. На груди у немногихъ женщинъ находили крупныя круглыя бронзовыя бляхи, совершенно сходныя съ мужскими; а также случалось находить красивыя ажурныя пряжки о пяти, шести и семи лопастяхъ; въ трехъ случаяхъ у женщинъ на груди оказались такія же ажурныя пряжки съ восемью привѣсками. Оба вида ажурныхъ пряжекъ входили въ составъ женскихъ украшеній и никогда не были обнаружены у мужчинъ. Руки украшали бронзовыми браслетами. Большая часть браслетовъ сдѣлана изъ толстой бронзовой проволоки съ несведенными концами; концы такихъ браслетовъ закруглены, иногда они украшены изображеніемъ головки змѣи, рѣдко встрѣчались литые браслеты съ утолщенными расходящимися концами, а также и согнутые изъ плоскихъ бронзовыхъ пластинокъ, и браслеты составленные изъ трехъ или четырехъ рядовъ спиралей, прикрѣпленныхъ къ ремню; этой формы браслеты обыкновенно застегивались небольшою бронзовою пряжечкою, которая помѣщалась на одномъ концѣ браслета, и ремешкомъ, составлявшимъ продолженіе другого конца браслета. Въ одномъ женскомъ погребеніи было найдено два спиральные браслета, каждый изъ нихъ состоялъ изъ узкой бронзовой пластинки, завитой въ 16 оборотовъ. Последніе два вида браслетовъ носили исключительно однѣ женщины. Пальцы рукъ украшали спиральными и ажурными бронзовыми кольцами; послѣдняго вида кольца всегда имѣли по двѣ пластинчатыя или бутылкообразныя привѣски. Число колецъ доходило до шести на обѣихъ рукахъ; въ большинствѣ же случаевъ—находили не два или по три кольца. Въ одномъ, выдѣляющемся по богатству и разнообразію украшеній, женскомъ погребеніи найдены бронзовыя украшенія, покрывавшія колѣни и нижнія части ногъ; на каждомъ колѣнѣ находилось по одной круглой вогнутой бронзовой бляхѣ съ небольшимъ отверстіемъ по срединѣ; ниже колѣна, спереди и сбоку каждой ноги оказались двойныя узкія бронзовыя привѣски, пришитыя къ кожѣ или широкому ремню, спереди по три рядомъ лежація привѣски, сбоку—по пяти, у щиколотокъ лежало по одной крупной бронзовой пряжкѣ съ длинными обоймицами, украшенными круглыми шпичками; въ обоймицахъ сохранились остатки ремня. На поясѣ, на лѣвой сторонѣ, женщины носили небольшой желѣзный ножикъ. При остаткахъ женскихъ погребеній, возлѣ поясныхъ позвонковъ часто находили глиняное или каменное пряслице, нацѣвавшееся, какъ кажется, на веретено во время пряденія нитокъ. Въ двухъ случаяхъ найдены желѣзныя ножницы, по наружной формѣ и величинѣ, похожія на тѣ, которыя крестьяне употребляютъ для стрижки овецъ. Въ женскихъ могилахъ глиняныя горшки встрѣчались рѣдко, при одномъ погребеніи оказался крошечный горшечекъ въ $1\frac{1}{8}$ вершка высоты.

Женская одежда, не смотря на пестроту и множество металлических украшений, видимо гармонировала со вкусом полу-дикарей и не лишена была своеобразной красоты. При солнечном освещении, на ходу или во время оживленной пляски она должна была производить приятное впечатление на мужчин своею яркою пестротою и шумом металлических привѣсокъ. Древній женскій нарядъ многимъ напоминаетъ уборъ деревенскихъ женщинъ Рязанской губерніи, бывшій въ употребленіи до 60-хъ годовъ текущаго столѣтія. Въ одеждѣ рязанокъ XIX ст. произошли незначительныя измѣненія въ формѣ и матеріалѣ составныхъ частей женскаго костюма, при сравненіи его съ женскою одеждою, бывшею болѣе чѣмъ за тысячу лѣтъ тому назадъ. Что же касается бронзовыхъ украшений и привѣсокъ, въ изобилии входившихъ въ составъ древняго женскаго убора, то въ болѣе близкое къ намъ время, они были замѣнены въ уборѣ мѣстныхъ крестьянокъ низками изъ разно-цвѣтнаго бисера и галуномъ.

Вся обстановка погребеній, открытыхъ въ рязанско-окскихъ могильникахъ, свидѣтельствуетъ о зажиточности мѣстнаго населенія въ ту отдаленную эпоху. Изъ общаго числа изслѣдованныхъ могилъ, по содержанію бытовыхъ предметовъ, оружія и украшеній, 20% должно отнести къ богатымъ, 60% — къ среднимъ и только около 20% — къ бѣднымъ. Въ остаткахъ поминальныхъ обрядовъ, сохранившихся въ землѣ надъ могилами и кругомъ ихъ, мы видимъ новые признаки матеріальнаго довольства современнаго могильникамъ населенія. Оно пользовалось хорошею пищею, питаясь преимущественно мясомъ животныхъ, рыбъ и птицъ. Любимымъ блюдомъ, кажется, было кабанье и свиное мясо, — по крайней мѣрѣ, кости тѣхъ и другихъ животныхъ часто попадаются въ остаткахъ поминальныхъ пиршествъ; въ такихъ отбросахъ найдены и рыбы кости, между ними случалось находить шипы бѣлугъ и осетровъ. Въ то время Ока была богата и этими видами рыбъ. Вообще въ продуктахъ для питанія недостатка не было. — окружающая природа доставляла ихъ съ избыткомъ.

Разнообразіе женскихъ нарядовъ, богатство украшеній и обиліе пищевыхъ продуктовъ съ выгодной стороны представляютъ экономическое положеніе края въ этомъ періодѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо рекомендуютъ отношенія какъ завоевателей, такъ и вообще господствующаго класса къ остальному населенію; дань и другіе поборы мѣстное населеніе, очевидно, несло безъ ущерба для своего благосостоянія. Въ нашей лѣтописи упоминается о размѣрахъ ежегодной дани, которую Поляне, Сѣверяне и Вятичи платили хазарамъ. Они вносили по бѣлѣ и вѣверицѣ отъ дыма, т. е. съ каждаго двора. Если лѣтописное извѣстіе и не вполне соответствуетъ дѣйствительности, тѣмъ не менѣе, оно цѣнно какъ представленіе, сложившееся въ народѣ о умѣренныхъ требованіяхъ древнихъ завоевателей. По приблизительному вычисленію, перевода тогдашнюю стоимость шкурокъ бѣлки и горностая

(вѣверицы) на нашъ счетъ, получимъ не болѣе 4 копейкъ, что въ X столѣтіи представляло цѣнность въ 45 или 50 копейкъ на наши теперешнія деньги; слѣдовательно, въ то время съ двора или цѣлой семьи взималась дань, соотвѣтствовавшая покупной силѣ нашихъ 45 или 50 к. Едва-ли можно было жаловаться на обременительность подобнаго налога.

Въ содержаніи могильнаго инвентаря мы замѣчаемъ указанія на раздѣленіе мѣстнаго населенія на группы по общественному положенію. Что лежало въ основѣ дѣленія населенія на группы въ періодъ образованія могильниковъ, — одно-ли сословное различіе по происхожденію или и размѣры имущества, богатство, также являлись причиною выдѣленія въ господствующій классъ? Дать рѣшительный отвѣтъ на эти вопросы мы не состояніи. Одинаково, мы незнаемъ насколько были обособлены сословныя группы, хотя и не сомнѣваемся въ существованіи ихъ. Должно отмѣтить только то, что сравнивая содержаніе мужскихъ погребеній съ разными формами похоронной обрядности, замѣтно выдѣляются мужскія могилы съ обыкновеннымъ погребеніемъ, богатыя оружіемъ и украшеніями; въ нихъ почти постоянно находились удила и встрѣчались мечи. Ясно, что эта группа могилъ оставлена конными воинами, обладавшими лучшимъ вооруженіемъ и болѣе цѣнными украшеніями, — красивыми фибулами, бронзовыми или серебряными шейными гривнами, поясами съ металлическимъ наборомъ, крупными грудными бляхами и проч. Эта богатая и безъ сомнѣнія вліятельная группа населенія, привычная къ коню и хорошо вооруженная, принадлежала къ господствующему сословію и какъ, мы думаемъ, была тюркскаго происхожденія. Замѣчательно, что при мужскихъ погребеніяхъ съ трупосожженіемъ не оказалось ни одного меча и очень рѣдко, только въ 2-хъ случаяхъ, находились удила. Въ мужскихъ могилахъ съ погребеніемъ въ сидячемъ положеніи совсѣмъ не обнаружено оружія, если не принять за таковое желѣзные ножики; не было цѣнныхъ украшеній и удилъ. Эта особенность мужскихъ могилъ съ двумя послѣдними видами похоронъ позволяетъ заключить, что часть населенія, оставившая эти могилы, не имѣла большого значенія въ общественномъ строѣ.

Матеріальное благосостояніе населенія зависѣло главнымъ образомъ отъ естественныхъ богатствъ края, которыя человекъ не успѣлъ еще истощить неразумною эксплоатаціей, и отъ свободнаго пользованія ими, отъ незначительныхъ затратъ на поддержку общественнаго строя и отъ развитія вышнихъ торговыхъ сношеній. Мѣстные продукты охоты, скотоводства и, быть можетъ, нѣкоторыя произведенія возникавшей домашней промышленности находили вышній сбытъ. Шкурки цѣнныхъ звѣрей (соболь, куница, бобръ, лисица, бѣлка), кожи крупныхъ животныхъ, медъ, рабы и рабыни имѣли постоянный спросъ на рынкахъ юга и юго-востока и шли въ обмѣнъ на произведенія болѣе развитой иноземной

промышленности; между ними первое мѣсто занимали разнообразныя металлическія украшения, бусы и цвѣтныя ткани.

Обиліе оружія, найденнаго при остаткахъ большей части мужскихъ погребеній, указываетъ на воинственный характеръ населенія. Значительная часть вооруженныхъ мужчинъ была конна. Привычка мужичить—воиновъ къ коню удостоверяется находеніемъ желѣзныхъ удиловъ въ могилахъ, а иногда и присутствіемъ истлѣвшихъ лошадиныхъ костей возлѣ нихъ. Конь видимо игралъ важную роль въ жизни древняго мѣстнаго населенія. Этому признаку мы придаемъ выдающееся значеніе, усматривая въ немъ характерную особенность кочевниковъ Прикаспійскихъ и Придонскихъ степей.

Война и охота составляли главное занятіе большей части мужскаго населенія. При изслѣдованіи окскихъ могильниковъ оказались признаки скотоводства, — конь, овца и свинья были домашними животными; относительно другихъ видовъ животныхъ, напимѣръ, — коровъ, собакъ, мы не можемъ сказать ничего положительнаго за отсутствіемъ данныхъ. Признаковъ земледѣльческой дѣятельности не было обнаружено. Ни въ одной могилѣ не оказалось земледѣльческихъ орудій, если не считать за таковыя боевыя топоры съ продольнымъ гнѣздомъ; въ числѣ случайныхъ находокъ на Борковскомъ и Кузьминскомъ могильникахъ было поднято по одному обломку желѣзныхъ серповъ, но эти находки могли относиться къ болѣе позднему времени. Если земледѣліе и существовало въ эпоху образованія окскихъ могильниковъ, то, вѣроятно въ зачаточномъ состояніи. Въ долину средней Оки обработка земли, какъ мы полагаемъ, началась позднѣе, именно — со времени передвиженія славянъ въ нашу мѣстность. Мѣстная выдѣлка грубой глиняной посуды была довольно распространена.

Женщины занимались домашними работами; въ женскихъ могилахъ мы часто находили глиняныя и каменныя пряслица и въ рѣдкихъ случаяхъ — желѣзныя ножницы. Эти находки опредѣляютъ характеръ части женскихъ занятій, — онѣ пряли шерсть, приготовляли ткани, шили одежду и вели домашнее хозяйство; уходъ за нѣкоторыми изъ домашнихъ животныхъ безъ сомнѣнія лежалъ на обязанности женщинъ.

Особенности похоронной обрядности, остатки тризны близъ могилъ, бронзовый идольчикъ, найденный во время раскопокъ въ Старой Рязани А. В. Селивановымъ, свидѣтельствуютъ, что религіозныя вѣрованія мѣстнаго населенія постепенно развивались и усложнялись, начиная съ періода каменнаго вѣка. Вѣроятно, вѣрованія населенія не успѣли еще сложиться въ стройную систему и застыть въ опредѣленныхъ догматахъ, что наблюдается въ болѣе выработанныхъ языческихъ культахъ; тѣмъ не менѣе, религіозныя вѣрованія несомнѣнно уже имѣли глубокое значеніе въ жизни древняго населенія. Сила преемственнаго обычая, въ теченіе тысячелѣтій крѣпко укоренившагося въ сознаніи язычниковъ, органическая живая связь религіозныхъ воз-

зрѣній съ природою, всѣмъ строемъ не сложной жизни и дѣятельности древнихъ племенъ дѣйствовали на человѣка глубже и повелительнѣе, чѣмъ предписанія отвлеченныхъ догматовъ болѣе развитыхъ культовъ. Населеніе Рязанскаго края, современное могильникамъ, не могло утратить чувства тѣсной связи съ природою и своимъ прошлымъ, олицетворявшемся въ унаслѣдованныхъ вѣковыхъ обычаяхъ и понятіяхъ. Въ этомъ періодѣ, если не существовало замкнутой жреческой касты, то уже были отдѣльныя личности, избравшія служеніе своимъ богамъ и совершеніе религіозныхъ обрядовъ дѣятельностью своей жизни. Въ лѣтописяхъ сохраняется память о волхвахъ и кудесникахъ, истолковывавшихъ волю боговъ, и творившихъ чудеса. Въ сѣверной Руси эти волхвы упорно противодействовали распространенію христіанства среди язычниковъ — туземцевъ.

Характеръ вѣрованій древнихъ обитателей сѣверо-восточной Европы имѣлъ много общаго. Сходство въ основахъ религіозныхъ воззрѣній, а быть можетъ и большее равнодушіе къ незначительнымъ особенностямъ ихъ, исключали возможность возникновенія и проявленія фанатической ненависти къ иноплеменникамъ, имѣвшимъ отличительныя особенности въ религіозныхъ обрядахъ. Этимъ можно объяснить присутствіе на одномъ и томъ же кладбищѣ одновременныхъ могилъ съ разными обрядами похоронъ.

Населеніе средней долины Оки практиковало преимущественно два вида похоронъ, — обыкновенное погребеніе, когда тѣло умершаго хоронили въ могилѣ, подложивши подъ него или завернувши его въ лубъ, и погребеніе съ трупосожженіемъ, когда трупъ усопшаго предварительно сжигали на кострѣ, затѣмъ собирали остатки сожженныхъ костей и металлическихъ вещей, бывшихъ на умершемъ, и зарывали ихъ въ отдѣльную могилу, вмѣстѣ съ вещами не бывшими на усопшемъ. На Борковскомъ могильникѣ, на Придорожномъ бугрѣ былъ открытъ 3-й видъ похоронъ, — погребеніе въ сидячемъ положеніи. Последній видъ похоронъ, повидимому, былъ мало распространенъ среди населенія средней Оки, — мы не встрѣтили ни одного подобнаго погребенія на Кузьминскомъ могильникѣ, да и на Борковскомъ ихъ оказалась всего пять.

Большая часть мѣстнаго населенія хоронило умершихъ по обряду обыкновенныхъ похоронъ; такія погребенія составляли отъ 85⁰/₀ до 93⁰/₀ общаго числа найденныхъ могилъ; число могилъ съ остатками трупосожженій колебалось отъ 7⁰/₀ до 15⁰/₀; погребенія въ сидячемъ положеніи, открытыя на Придорожномъ бугрѣ Борковского могильника, дали около 5⁰/₀.

Изъ періода каменнаго вѣка намъ извѣстны одни обыкновенныя погребенія, другихъ формъ похоронъ мы не встрѣчали. Это обстоятельство позволяетъ заключить, что какъ первобытное, такъ и древнее пришлое населеніе Рязанскаго края держались обряда обыкновенныхъ похоронъ. Трупосожженія и погребенія въ сидячемъ положеніи явились

въ нашей мѣстности позднѣе, — ихъ занесли сюда иноплеменные переселенцы, прибывшіе въ долину средней Оки изъ сосѣднихъ или отдаленныхъ областей. Разнообразіе въ похоронной обрядности не оставляетъ сомнѣнія въ разноплеменномъ составѣ мѣстнаго населенія, современнаго образованію окскихъ могильниковъ. Характеръ могильнаго инвентаря; найденнаго при погребеніяхъ всѣхъ трехъ видовъ, и положеніе могилъ съ разными видами похоронъ рѣшительно не допускаютъ другихъ объясненій различія въ похоронной обрядности. одновременно практиковавшейся населеніемъ Рязанскаго края.

Вопросъ о племенномъ составѣ населенія, оставившаго по берегамъ Оки цѣлый рядъ однородныхъ могильниковъ, не поддается положительному рѣшенію, отчасти влѣдствіе крайней бѣдности историческихъ свѣдѣній по этому предмету и неполнотѣ изслѣдованія Рязанской губерніи въ археологическомъ отношеніи, отчасти по причинѣ плохой сохранности антропологическаго матеріала, добытаго во время раскопокъ. Кроме того, мы ничего не знаемъ, — къ какому типу или расѣ принадлежало первобытное населеніе, занимавшее долину Оки въ продолжительный періодъ каменнаго вѣка. Этотъ крупный пробѣлъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ вноситъ полную невозможность установить достовѣрное заключеніе о дѣйствительномъ значеніи болѣе поздняго кореннаго населенія Рязанскаго края, современнаго окскимъ могильникамъ. Представляло-ли оно прямое потомство первобытныхъ обитателей долины средней Оки, переживавшихъ здѣсь періодъ каменнаго вѣка, или являлось какъ результатъ смѣшенія автохтоновъ съ восточно-финскими племенами, прибывшими въ область Окскаго бассейна въ періодъ мѣстнаго каменнаго вѣка или вскорѣ послѣ него? При всей бѣдности и недостаткахъ антропологическаго матеріала, извлеченнаго изъ обследованныхъ окскихъ могильниковъ, на основаніи его, мы не можемъ не признать, что такъ или иначе восточно-финскія племена входили, какъ существенный элементъ, въ составъ мѣстнаго кореннаго населенія, оставившаго цѣлый рядъ могильниковъ на берегахъ Оки. Не имѣя возможности представить твердо обоснованное заключеніе по вопросу, — въ какомъ отношеніи восточно-финскія племена находились къ первобытнымъ обитателямъ долины Оки, мы оставляемъ его открытымъ, и позволимъ себѣ изложить наше мнѣніе по этому вопросу, какъ простое предположеніе. Примѣсь восточно-финскихъ племенъ къ первобытному населенію долины Оки совершилась равнѣ образованія окскихъ могильниковъ. Пришлыя восточно-финскія племена частію вытѣснили первобытное населеніе, частію смѣшались съ нимъ и образовали древнее коренное населеніе площади Окскаго бассейна. Затѣмъ послѣдовали новыя наплывы въ долину Оки племенъ и народовъ съ востока и юго-востока. Тѣсная связь Оки съ Волгою и верховьями Дона открывала свободный доступъ въ нашу мѣстность кочевникамъ Поволжскихъ, Прикаспійскихъ и Придонскихъ степей. Тюркскія племена, перекоче-

вавшія изъ Азіи въ степную полосу юго-восточной Европы, безъ сомнѣнія, проникали до береговъ средней Оки, и нѣкоторые изъ нихъ, очемъ мы уже говорили ранѣе, подчиняли Рязанскій край, частію селились въ немъ и входили въ составъ господствовавшего класса мѣстнаго населенія.

Коренное населеніе Рязанскаго края и осадки пришлыхъ тюркскихъ племень хоронили умершихъ по обряду обыкновеннаго погребенія. Полное отсутствіе антропологическихъ признаковъ въ могилахъ съ остатками трупосожженія лишаетъ насъ важнаго матеріала для сужденія о народности части населенія, практиковавшей эту форму похоронъ. Затрудненіе при рѣшеніи вопроса о народности погребеній съ трупосожженіемъ осложняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что бытовые предметы, найденные въ могилахъ съ остатками трупосожженій имѣютъ, полное сходство съ аналогичными предметами, собранными въ могилахъ съ обыкновенными погребеніями, и не представляютъ никакихъ отличительныхъ особенностей, которыя могли бы служить указаніемъ на народность погребенныхъ. Въ періодъ отъ VI до X ст. по Р. Хр., трупосожженіе умершихъ было въ обычаѣ у многихъ народовъ и племень, сосѣдившихъ съ Рязанскимъ краемъ. На сѣверо-западѣ и юго-западѣ къ Рязанскому краю прилегали области Кривичей и Вятичей, къ востоку и юго-востоку обитатели Буртасы. Какъ у славянъ, такъ и между буртасами былъ распространенъ обрядъ похоронъ съ трупосожженіемъ. Въ погребеніяхъ съ остатками трупосожженія, найденныхъ въ окскихъ могильникахъ, позволительно угадывать могилы славянъ переселенцевъ, какъ ближайшихъ сосѣдей, переходившихъ въ небольшомъ числѣ изъ славянскихъ областей въ долину средней Оки. Случайныя переселенія отдѣльныхъ славянскихъ семей въ Рязанскій край могли начаться гораздо ранѣе IX ст. У буртасовъ также существовалъ обычай хоронить умершихъ, предварительно сожигая ихъ трупъ, такъ что и буртасы, переселяясь на берега средней Оки, могли занести похороны съ трупосожженіемъ; но почти полное отсутствіе желѣзныхъ удилъ въ могилахъ съ остатками трупосожженія, открытыхъ на Борковскомъ и Кузьминскомъ могильникахъ, препятствуетъ предполагать происхожденіе этихъ могилъ отъ переселенцевъ — буртасовъ. Извѣстно, что буртасскіе воины были преимущественно конные. Переселяясь въ Рязанскій край, буртасы, если не всѣ, то многіе изъ нихъ, сохранили бы привычку къ коню на мѣстѣ новой осѣдлости, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ ихъ могилахъ находились бы предметы конской сбруи.

Народность погребеній въ сидячемъ положеніи для насъ остается темной загадкой, — подобный обрядъ похоронъ практиковался въ древности въ разныхъ мѣстахъ нынѣшней Европейской Россіи. Откуда онъ занесенъ на берега средней Оки, — намъ неизвѣстно. Можно даже думать, что этотъ видъ похоронъ не употреблялся мѣстными жителями

Рязанскаго края, — эти могилы могли оставить временно проживавшія здѣсь лица, прибывшія сюда съ торговыми или другими цѣлями.

О наружныхъ признакахъ населенія, современнаго окскихъ могильникамъ, вслѣдствіе плохой сохранности антропологическаго матеріала, можно сказать немного: оно было средняго роста, коренастое, черно-волосое; по формѣ череповъ одна часть населенія относилась къ длинноголовымъ (*dolichosephalae*), другая — къ среднеголовымъ (*me-galiocephalae*). Вообще населеніе было крѣпкое, мускулистое, здоровое, — намъ очень рѣдко случалось встрѣчать попорченные зубы даже у покойниковъ преклоннаго возраста.

Періодъ торговли съ арабами.

Ранѣе мы упоминали, что благодаря географическому положенію Рязанскаго края, населеніе его издавна вело торговля и иныя сношенія съ народами, занимавшими степное пространство между Каспійскимъ, Азовскимъ, и Чернымъ морями и бережнія части этихъ морей. Мы не знаемъ, когда начались эти сношенія и какъ они видоизмѣнялись въ разныя эпохи доисторической жизни Рязанскаго края; но мы не можемъ сомнѣваться въ нихъ: нѣкоторые бытовые предметы, какъ напримѣръ, — хорошей выдѣлки и яркихъ цвѣтовъ шерстяныя ткани, изящныя серебряныя и бронзовыя украшенія, нѣкоторые виды бусъ и отчасти гончарныя издѣлія, отличающіяся отчетливою обработкою, представляютъ полное сходство съ аналогичными предметами, открытыми въ древнихъ могильникахъ Кавказа и сѣверо-восточной части побережья Чернаго моря, и служатъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что эти издѣлія проникали въ долину средней Оки съ юга и юго-востока путемъ торговыхъ сношеній. Торговля связи населенія Рязанскаго края съ югомъ и юго-востокомъ начались гораздо ранѣе появленія арабовъ на западномъ берегу Каспійскаго моря, и не только продолжались, но видимо увеличились и окрѣпли послѣ упроченія арабовъ на Кавказѣ и при Каспіи.

Въ VII ст. по Р. Х. арабы, послѣ побѣды, одержанной ими надъ персами въ кровопролитной битвѣ при Нихавендѣ въ 641 г. по Р. Х., проникли во внутреннія и сѣверныя области Персидскаго царства; подвигаясь далѣе на сѣверъ, они вступили во владѣнія хазарь, простиравшіяся въ то время на югъ до Ширвана, и продолжали свои завоеванія на Кавказѣ и западномъ берегу Каспіи. Воинственные хазары оказывали упорное сопротивленіе стремленію арабовъ овладѣть западнымъ берегомъ Каспіи. Однако, послѣ продолжительной и упорной борьбы арабамъ удалось сломить упорство сильныхъ противниковъ и утвердиться въ занятыхъ областяхъ.

„Торговые пути Аравитянъ, говоритъ П. С. Савельевъ, прокладывало ихъ оружіе: каждое новое завоеваніе было и новымъ рынкомъ

для нихъ“..... „Хазары первые изъ народовъ Россіи вступили въ непосредственныя сношенія съ арабами, сперва въ битвахъ противъ нихъ на берегахъ Аракса и въ Закавказьѣ, потомъ въ торговлѣ съ ними на берегахъ Итиля (Волги)“¹⁾.

Со времени упроченія господства арабовъ на Кавказѣ и западномъ берегу Каспія, арабскія издѣлія и арабская монета (серебряные диргеми) проникаютъ въ сѣверо-восточную Европу. По мѣрѣ развитія торговли, притокъ арабской монеты въ Европу постепенно увеличивается и достигаетъ наибольшихъ размѣровъ въ X ст. Естественныя произведенія сѣверо-восточной Европы, особенно шкурки цѣнныхъ звѣрковъ, рабы и рабыни, шли въ предѣлы мусульманскихъ государствъ въ большомъ количествѣ. Доставляемые арабами товары для племенъ, обитавшихъ въ сѣверо-восточной Европѣ, не покрывали стоимости вывозимаго ими, такъ что ежегодно арабы должны были доплачивать крупныя суммы серебряною монетою и отчасти серебряными слитками для уравниенія торговаго баланса.

Въ теченіе многихъ столѣтій, клады съ серебряными арабскими монетами находили и находятъ въ настоящее время на всемъ протяженіи Европейской Россіи, въ Швеціи, Норвегіи, Даніи, Польшѣ, Пруссіи и восточной части Германіи. Эти находки представляютъ вещественные остатки обширныхъ торговыхъ оборотовъ, которые арабы вели съ сѣверо-восточною Европою въ продолженіе болѣе трехъ столѣтій, съ конца VII и до XI ст.

Широкое распространеніе арабской монеты по областямъ сѣверо-восточной Европы нельзя разсматривать какъ результатъ непосредственныхъ и постоянныхъ торговыхъ сношеній съ арабами народовъ и племенъ, занимавшихъ въ VIII, IX и X ст. области отдаленныя отъ Каспія и Кавказа, какъ напримѣръ, — Швецію, Норвегію, Данію, Пруссію и восточную часть Германіи. О характерѣ торговли населенія этихъ странъ съ арабами можно сказать, что она производилась главнымъ образомъ при участіи иноплеменныхъ посредниковъ. Почему и находеніе въ сѣверо-восточной Европѣ многочисленныхъ кладовъ съ диргемами объясняется послѣдовательнымъ передвиженіемъ арабской монеты съ юго-востока и востока на сѣверо-западъ и западъ. — Путемъ торговли и другихъ причинъ арабская монета переходила изъ рукъ въ руки, между сосѣдними племенами, — отъ ближайшихъ къ Каспію и Кавказу народовъ она проникала къ народамъ болѣе удаленнымъ отъ главныхъ торговыхъ центровъ. Въ VIII, IX и началѣ X ст. разноплеменное населеніе восточной Европы пользовалось не одною мѣнвою торговлею, совмѣстно съ послѣднею начинала входить въ употребленіе и денежная торговля. Между тѣмъ, въ то время народы, заселявшіе сѣверо-восточную Европу, еще не имѣли монеты

¹⁰⁾ П. С. Савельевъ, — „Мухаммеданская Нумизматика“, стр. XLVIII- L.

собственного чекана. Съ начала VIII ст. арабскіе диргеми начали проникать въ сѣверо-восточную Европу, распространеніе ихъ шло непрерывно, постепенно увеличиваясь въ количествѣ и расширяясь по району своего распространенія. Знакомаясь съ арабскою монетою, полудикое населеніе сѣверо-восточной Европы привыкало къ ней, поняло ея удобства какъ для торговли, такъ и для иного вида сдѣловъ и уплатъ; вмѣстѣ съ этимъ, мѣстные торговые люди, въ скоромъ времени, сумѣли приравнять арабскую монету къ своимъ собственнымъ мѣновымъ цѣнностямъ, и затѣмъ отчасти замѣнить послѣднія серебряными диргемами и частями ихъ. Съ IX ст. арабскіе диргеми, вмѣстѣ съ серебряными слитками опредѣленнаго вѣса, становятся обще-принятою ходячею монетою среди племенъ, заселявшихъ сѣверо-восточную Европу. Вѣсѣмъ извѣстно, что многіе народы на первыхъ ступеняхъ своего общественнаго строя, до введенія въ обращеніе монеты собственнаго чекана, пользовались монетою сосѣднихъ государствъ, стоявшихъ по своему политическому развитію и экономическому состоянію въ болѣе благопріятномъ положеніи.

Въ настоящее время, изъ общаго состава извѣстныхъ мѣстныхъ вещественныхъ памятниковъ, пригодныхъ для изученія состоянія Рязанскаго края въ теченіе 3-го періода, преобладающее значеніе имѣють клады съ арабскими монетами и серебряными украшениями восточнаго производства, такъ какъ они представляютъ хорошо извѣстный и вполне опредѣленный матеріалъ. Кромѣ кладовъ съ арабскими монетами, Рязанская губернія богата курганными кладбищами, сохранившимися до сихъ поръ въ сѣверныхъ, среднихъ и южныхъ уѣздахъ. Значительная часть кургановъ, лежащихъ по теченію Оки, на ея берегахъ, относится къ 3-му періоду. Къ сожалѣнію, эти важныя въ историческомъ отношеніи памятники остаются неизслѣдованными. Правильныя раскопки курганныхъ кладбищъ обѣщаютъ дать новыя и важныя матеріалы для выясненія особенностей быта и состава мѣстнаго населенія какъ въ началѣ появленія южно-русскихъ князей съ ихъ дружинами въ долину средней Оки, такъ и въ эпоху предшествовавшую покоренію Рязанскаго края южно-русскими князьями. Очень немногіе изъ курганныхъ кладбищъ, находящихся въ Зарайскомъ, Рязанскомъ, Спасскомъ и Касимовскомъ уѣздахъ, тронуты раскопками. Матеріалы, добытыя изъ нихъ, отличаются большимъ разнообразіемъ по характеру курганнаго инвентаря, а также и по формамъ погребеній: но такъ какъ найденныя въ раскопанныхъ курганахъ бытовые предметы и наблюдаемыя въ нихъ формы погребенія представляютъ принадлежность лишь незначительной части изъ общаго числа уцѣлѣвшихъ памятниковъ этого рода, то ими нельзя воспользоваться какъ матеріаломъ для положительныхъ выводовъ о бытѣ и характерѣ мѣстнаго населенія, оставшаго курганнаго кладбища въ теченіе 3-яго періода,

до того времени, пока содержаніе большей части кургановъ этого типа не будетъ изслѣдовано правильными раскопками.

Не останавливаясь на описаніи результатовъ всѣхъ изслѣдованныхъ курганныхъ кладбищъ въ Рязанской губерніи, мы скажемъ нѣсколько словъ о любопытныхъ особенностяхъ извѣстныхъ намъ находокъ изъ трехъ группъ кургановъ 3-яго періода, открытыхъ въ Каширскомъ уѣздѣ, на лѣвомъ берегу р. Смедвы, при впаденіи ея въ Оку, близъ деревни Смедовки ¹¹⁾; изъ того же вида кургановъ находящихся въ Зарайскомъ уѣздѣ, недалеко отъ погоста Ростиславль, расположенномъ на мѣстѣ древняго города того же названія, упоминаемаго въ летописяхъ подъ 1154 г.; затѣмъ, въ Рязанскомъ уѣздѣ, при селѣ Окаемовѣ, на правомъ берегу Оки случайно было найдено одно женское погребеніе съ украшеніями, совершенно сходными съ добытыми изъ упомянутыхъ кургановъ; и наконецъ той же формы и качествами металлическія украшенія были собраны между другими остатками древняго поселка, обнаруженнаго во время раскопокъ Борковского могильника на одномъ изъ занятыхъ могилами бугровъ (Придорожномъ). Названные однородные курганы и отдѣльныя находки относятся къ 3-му періоду. Въ изслѣдованныхъ курганахъ оказались только одни обыкновенныя погребенія; найденныя въ нихъ мужскіе и женскіе костяки лежали на спинѣ съ протянутыми вдоль тѣла руками, голова въ большинствѣ случаевъ была обращена на З., ноги на В., иногда голова имѣла направленіе на ЮЗЗ., ноги — на СВВ. При остаткахъ нѣкоторыхъ женскихъ костяковъ находились бронзовыя, мѣдныя посеребренныя и низкопробныя серебряныя украшенія, — плоскія шейныя гривны съ орнаментомъ, витые бронзовые браслеты, ажурныя плоскія и въ видѣ жгутика кольца, изъ горнаго хрустала круглыя и сердоликовыя продолговатыя бусы, круглыя сплошныя и ажурныя металлическія привѣски и височныя семилонастныя подвѣски московскаго типа. Мужскія погребенія, найденныя въ курганахъ, отличаются бѣднымъ содержаніемъ украшеній, отсутствіемъ оружія и стремянъ.

Однообразіе въ формахъ похороннаго обряда въ названныхъ курганахъ и рѣзкое различіе между инвентаремъ кургановъ и рязанско-окскихъ могильниковъ представляютъ любопытный фактъ. Интересъ кургановъ этого типа возрастаетъ еще отъ самаго мѣсто-нахожденія ихъ. Замѣчательно, что до настоящаго времени эти курганныя кладбища не открыты восточнѣ нынѣшней Рязани; они, переходя изъ Тульской и Московской губерній въ Рязанскую, идутъ по теченію Оки, достигаютъ Рязани и тутъ какъ бы прерываются, не проникая далѣе

---

¹¹⁾ Смедовскіе курганы были раскопаны А. В. Селвановымъ и Ф. Н. Китаевымъ въ 1884 и 1885 г.; результаты раскопокъ описаны въ I т. Трудовъ Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи, въ журналахъ засѣданій за 23 сентября 1884 г и 7 іюля 1885 г.

на востокъ. Дѣло-ли это простой случайности, объяснимой нашимъ недостаточно полнымъ знакомствомъ съ древностями Рязанской губерніи, или, на самомъ дѣлѣ, подобныя курганныя кладбища не заходили восточнѣе нынѣшней Рязани, — ничего положительнаго мы сказать не можемъ. Дѣйствительныя границы ихъ распространенія въ Рязанской губерніи, а равно и настоящее значеніе ихъ остаются пока невыясненными. Ограничиваясь однимъ догадкой, курганы можно разсматривать какъ кладбища, оставленныя новыми насельниками, подвинувшимися съ запада или сѣверо-запада въ долину средней Оки въ IX ст. или, быть можетъ, и ранѣе. Пришлое населеніе принесло съ собою особыя украшенія и свой отличительный похоронный обрядъ. Принимая въ соображеніе мѣсто-нахожденіе этихъ курганныхъ кладбищъ, можно думать, что наплывъ сосѣдняго племени въ долину средней Оки остановился около нынѣшней Рязани и по неизвѣстной намъ причинѣ не пошелъ далѣе на востокъ.

Упомянувъ о курганахъ мы считаемъ нужнымъ отмѣтить небезынтересное противорѣчіе, наблюдаемое въ нихъ между способомъ погребенія и могильнымъ инвентаремъ. Форма погребеній указываетъ на финскую народность населенія, оставившаго описанныя нами курганы; по типу же женскихъ украшеній и особенно по характеру семилопастныхъ височныхъ подвѣсокъ, курганы слѣдовало-бы признать славянскими, если при опредѣленіи ихъ народности руководствоваться мнѣніемъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ археологовъ, которые въ семилопастныхъ височныхъ подвѣскахъ конца X и XI вѣка склонны видѣть признакъ славинства. Изъ этого частнаго случая видно, — какъ трудно опредѣлять народность древнихъ могильниковъ и курганныхъ кладбищъ не только по формамъ украшеній и другихъ бытовыхъ предметовъ, но и по общей совокупности всего археологическаго матеріала, добытаго въ предѣлахъ того или другого района, гдѣ не исчерпаны археологическими изслѣдованіями всѣ имѣющіеся памятники доисторической эпохи.

Отличительный характеръ извѣстныхъ мѣстныхъ вещественныхъ памятниковъ IX, X и XI ст. подалъ намъ поводъ принять его какъ характерную особенность цѣлаго періода. Строго говоря, принятое мною названіе третьяго періода не совсѣмъ точно: торговля Рязанскаго края съ арабами, главнымъ образомъ, сосредоточивалась въ рукахъ иноплеменныхъ посредниковъ, между которыми первенствующая роль принадлежала сначала однимъ хазарамъ, а потомъ къ нимъ присоединились булгары. Непосредственныя же сношенія торговыхъ людей Рязанскаго края съ арабами, кажется, ограничивались двумя городами. — Ителемъ, столицею хазаръ при устьѣ Волги, и Булгоромъ, столицею Волжско-Бамскихъ булгаръ, расположенномъ въ 125 верстахъ къ югу отъ нынѣшней Казани; въ этихъ двухъ пунктахъ они вступали въ непосредственныя торговыя сношенія съ арабскими купцами, ежегодно прѣзжавшими въ названные города съ торговыми цѣлями.

Едва ли наши предки проникали въ предѣлы Восточнаго Халифата въ IX и X ст.; если ради торговли подобныя путешествія и предпринимались ими, то не были обычнымъ явленіемъ, а представляли единичные и рѣдкіе случаи, вызванные какими нибудь исключительными обстоятельствами.

Періодъ возникновенія и развитія торговыхъ сношеній населенія долины средней Оки съ арабами, какъ мы полагаемъ, составляетъ прямое продолженіе предшествующаго періода (время образованія рязанско-окскихъ могильниковъ богатыхъ металлическими издѣліями) или, быть можетъ, отдѣляется отъ него довольно короткимъ промежуткомъ времени. Извѣстные намъ мѣстные вещественные памятники, относящіеся къ третьему періоду, какъ мы ранѣе упоминали, состоятъ преимущественно изъ кладовъ съ арабскими монетами и серебряными украшеніями восточнаго производства, и отчасти изъ бытовыхъ предметовъ, найденныхъ случайно или при раскопкахъ курганныхъ кладбищъ X и XI ст.

Содержаніе извѣстныхъ кладовъ съ арабскими монетами, открытыхъ въ Рязанской губерніи за послѣднія 56 лѣтъ, раскрываетъ многія стороны быта населенія долины средней Оки. Въ статьѣ — „Значеніе кладовъ съ куфическими монетами, найденныхъ въ Тульской и Рязанской губерніяхъ“¹²⁾ я говорилъ о важномъ значеніи этихъ памятниковъ для нашей исторіи и потому теперь только кратко повторю ранѣе высказанное мною. Волѣе древніе изъ кладовъ, найденныхъ въ Рязанской губерніи, состоятъ главнымъ образомъ изъ цѣлыхъ серебряныхъ диргемовъ и разной величины рубленныхъ частей ихъ, чеканенныхъ въ IX вѣкѣ при аббасидахъ; въ рѣдкихъ случаяхъ, вмѣстѣ съ диргемами, встрѣчались въ числѣ одного или двухъ экземпляровъ серебряныя сасанидскія (древне-персидскія) монеты VII ст. Въ позднѣйшихъ кладовъ съ арабскими монетами, зарытыхъ въ землю по ранѣе XI ст., большая часть монетъ состоитъ изъ диргемовъ саманидскаго чекана X ст.; между ними попадаются въ небольшомъ количествѣ цѣлыя и рубленныя на части западно-европейскія и византійскія серебряныя монеты X ст. Въ пяти кладахъ, вмѣстѣ съ монетами, оказались серебряныя украшенія, — шейныя гривны, браслеты, серьги, перстни, бляхи и небольшія привѣски; въ трехъ кладахъ находились серебряныя прутики разнаго вѣса (монетныя гривны восточной отливки).

Извѣстные намъ клады съ арабскими монетами составляютъ ничтожную часть находокъ этого рода, открытыхъ въ Рязанской губерніи въ теченіе шести или семи столѣтій. Съ конца VIII ст. и до первой половины XI ст. наши предки оставили въ землѣ огромное количество своихъ сбереженій въ монетѣ и серебряныхъ украшеніяхъ. Конечно, не для позднѣйшихъ потомковъ они зарывали въ землю свои деньги и

¹²⁾ См. Приложение къ VI тому Трудовъ Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи.

цѣнныя украшенія, — то и другое прятали на время, и только непредвидѣнныя случайности лишали владѣльцевъ возможности вынуть изъ земли свое имущество. Благодаря этимъ остаткамъ старины, мы приблизительно узнаемъ о степени экономического благосостоянія Рязанскаго края, о направленіи его внѣшней торговли, о системѣ древнихъ мѣновыхъ цѣнностей и о мѣсто-нахожденіи болѣе многочисленныхъ селеній, бывшихъ въ то время главными торговыми центрами Рязанскаго края. Открытые въ Рязанской губерніи клады IX, X и XI ст. преимущественно находились на берегахъ Оки и ея главныхъ притоковъ: — Осетра, Прони и Пары. Большая часть кладовъ найдена въ Спасскомъ уѣздѣ, въ окрестностяхъ села Старая Рязань, близъ цыбѣшней Рязани (бывшаго Переслава Рязанскаго) и въ сѣверо-западномъ углу Баширскаго уѣзда, Тульской губерніи. Скуденность кладовъ въ обозначенныхъ мѣстахъ свидѣтельствуетъ, что встарину тутъ были значительныя торговыя селенія, по соседству съ которыми ютился промышленный и мелкій торговый людъ, ради удобнаго и выгоднаго сбыта продуктовъ своего промысла или труда.

На самыхъ мѣстахъ, гдѣ были найдены клады или поблизости отъ нихъ, иногда отыскиваются слѣды древнихъ поселковъ, могильниковъ и курганныхъ кладбищъ. Такъ что клады съ арабскими монетами и остатки языческихъ кладбищъ довольно опредѣленно обозначаютъ мѣста древнѣйшихъ селеній, и вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ возможность приблизительно судить о густотѣ населенія Рязанскаго края въ описываемую эпоху. Содержаніе кладовъ, представляя несомнѣнное доказательство существованія внѣшнихъ торговыхъ сношеній, въ то же время объясняетъ намъ размѣры и направленіе внѣшней торговли нашихъ отдаленныхъ предковъ. Въ болѣе древнихъ арабскихъ кладахъ мы встрѣчаемъ почти исключительно сдѣн аббасидскіе диргемы, чеканенные въ Прикаспійскихъ и среднихъ провинціяхъ Восточнаго Халифата, и только въ рѣдкихъ случаяхъ, вмѣстѣ съ диргемами, попадаются въ нихъ ничтожное количество сассанидскихъ монетъ VII ст. Въ древнихъ кладахъ количество рубленныхъ монетъ, на части разной величины, обыкновенно не такъ велико, какъ въ болѣе позднихъ. Въ кладахъ второй половины X и начала XI ст. преобладаютъ диргемы саманидскіе, тагиридскіе и другихъ династій, чеканенные какъ въ среднихъ, такъ и восточныхъ провинціяхъ Халифата. Кромѣ арабскихъ монетъ, въ этихъ кладахъ мы находимъ въ небольшомъ количествѣ серебряныя западно-европейскія и византійскія монеты, а также серебряныя прутики (монетныя гривны восточной отливки). Составъ кладовъ позволяетъ заключить, что сначала торговыя сношенія арабовъ съ сѣверо-восточною Европою, главнымъ образомъ, сосредоточивались въ рукахъ арабскихъ купцовъ изъ Прикаспійскихъ и среднихъ провинцій Восточнаго Халифата; позднѣе, въ X ст. къ нимъ примкнули торговые люди восточныхъ областей Ха-

лифата, изъ Самарканда, Бухары и другихъ восточныхъ городовъ. Должно замѣтить, что въ X и XI ст. у Волжско-Камскихъ болгаръ также были развиты дѣятельныя торговыя сношенія съ хазарами, арабами и съ туземнымъ населеніемъ Волжскаго, Камскаго и Окскаго бассейновъ. Широкое развитіе виѣшней торговли благотворно отразилось на экономическомъ состояніи болгаръ и успѣхахъ ихъ промышленности. Въ X, XI и XII ст. болгары снабжали среднюю Русь какъ собственными металлическими издѣліями, такъ и привозными произведениями востока. Присутствіе западно-европейскихъ и византійскихъ монетъ въ кладахъ показываетъ, что населеніе Рязанскаго края вступило въ болѣе оживленныя торговыя сношенія съ племенами, обитавшими по Днѣпру и западной Двинѣ. Нельзя предполагать, чтобы западныя и византійскія монеты отъ арабовъ проникали въ долину средней Оки; если-бы эти два вида монетъ переходили въ восточную Европу изъ рукъ арабовъ, то число этихъ монетъ въ арабскихъ кладахъ возрастало бы по мѣрѣ близости ихъ къ Каспійскому морю и Кавказу; между тѣмъ въ извѣстныхъ кладахъ съ арабскими монетами, найденныхъ въ Саратовской, Астраханской и Ставропольской губерніяхъ совсѣмъ не встрѣчаются западно-европейскія и византійскія серебряныя монеты.

Появленіе западно-европейскихъ и византійскихъ монетъ въ долину средней Оки, повидному, было слѣдствіемъ торговыхъ связей съ Черниговомъ и Кіевомъ съ одной стороны и племенами, занимавшими верховья западной Двины, съ другой. Въ тѣхъ же кладахъ мы находимъ образцы денежныхъ единицъ, бывшихъ въ обращеніи въ теченіе 3 періода и позднѣе среди племенъ, обитавшихъ въ долину Оки. Въ третьемъ періодѣ мѣстная мѣновая торговля товара—на товаръ начинаетъ переходить въ денежную, благодаря большому приливу арабской монеты; населеніе Рязанскаго края и другихъ племенъ, познакомившись съ удобствомъ употребленія монеты въ торговомъ дѣлѣ, сначала приносило серебряныя арабскія диргеми, а потомъ византійскія и западно-европейскія монеты къ прежнимъ своимъ мѣновымъ цѣнностямъ, состоявшимъ преимущественно изъ шкурокъ разныхъ звѣрковъ. Основною единицею новой денежной системы былъ принятъ серебряный диргемъ. На югѣ, въ Приднѣпровской Руси на эту монету было перенесено названіе древней мѣновой единицы—куны. Такъ какъ диргемъ (куна) представляетъ довольно крупную цѣнность, то его рубили на части,—разной величины и вѣса; такимъ путемъ получалась мелкая раздѣльная монета, соотвѣтствовавшая прежнимъ мелкимъ мѣновымъ цѣностямъ—(вѣверица, бѣлка, вѣкша)... Двѣ съ половиною куны равнялись погати. Пятьдесятъ кунъ (диргемовъ) составляли монетную гривну серебра, имѣющую около 38 золотниковъ вѣса. Приведенныя соотношенія денежныхъ единицъ разныхъ наименованій были въ употребленіи въ Кіевской Руси. Ранѣе прибытія южно-русскихъ князей въ долину средней Оки, населеніе Рязанскаго края имѣло свою систему

мѣновыхъ цѣнностей, отличающуюся отъ Кіевской. Въ теченіи 3-го періода эта система также потерпѣла существенное преобразование,— прежнія условныя мѣновныя цѣнности вытѣнялись арабскою монетою; наименованіе существовавшихъ цѣнностей перешло на диргемы и части ихъ. До занятія Рязанскаго края южно-русскими князьями, диргемы, какъ я полагаю, носили здѣсь названіе „рѣзанъ“. Мѣстное наименованіе долей диргема намъ неизвѣстно. Кромѣ цѣлыхъ серебряныхъ монетъ и опредѣленнаго вѣса частей ихъ, въ долинахъ средней Оки обращались серебряныя монетныя гривны арабской отливки, въ видѣ длинныхъ четыре-гранныхъ прутиковъ,—вѣсомъ въ 27 и $13\frac{1}{2}$ золотниковъ. Слѣдуетъ упомянуть, что арабская унція серебра въ VIII ст. равнялась 27 нинѣшнимъ золотникамъ, изъ нея чеканили 40 аббасидскихъ диргемовъ нормальнаго вѣса. Обращеніе въ долинахъ Оки серебряныхъ слитковъ вѣсомъ въ цѣлую арабскую унцію и части ея приводитъ къ предположенію, что соотношеніе между серебряною гривною и диргемомъ (рѣзаною) было иное, чѣмъ въ Кіевской Руси. Здѣсь гривна серебра имѣла, повидимому, только 40 диргемовъ (рѣзанъ). Доли рѣзаны (диргема), какъ кажется, мало разнились отъ южно-русскихъ. Въ рязанскихъ кладахъ съ арабскою монетою постоянно встрѣчаются разной величины рѣзанцы, между послѣдними попадаются обрѣзанные въ видѣ правильныхъ кружковъ; сравнивая вѣсъ частей диргемовъ, мы получили слѣдующія отношенія ихъ тяжести къ среднему вѣсу цѣлаго диргема въ 53 грана: $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{12}$, $\frac{1}{24}$ и $\frac{1}{40}$; Мельчайшія части въ $\frac{1}{40}$ цѣлаго диргема могли оказаться въ кладахъ какъ неполновѣсныя доли равныя $\frac{1}{24}$ диргема. Со времени занятія Рязанскаго края южно-русскими князьями, мѣстная денежная система на короткое время замѣняется Кіевскою.

Въ концѣ 3 періода населеніе Рязанскаго края пользовалось гирьками опредѣленнаго вѣса, слѣдовательно въ 3-мъ періодѣ уже существовала вѣсовая система. Пять мелкихъ гирекъ было найдено въ 1891 г. на береговой части Старо-рязанскаго городища, и тамъ же были случайно открыты двѣ болѣе крупныя желѣзныя гири, которыя, по нашему мнѣнію, относятся къ XII ст. ¹³⁾ Основною единицею вѣса служилъ древній асырь, заимствованный съ востока. Эта вѣсовая единица, соотвѣтствовавшая нашему фунту, равнялась приблизительно 136 теперешнимъ золотникамъ и дѣлилась на 72 части. Тяжесть крупной вѣсовой единицы, по нашимъ догадкамъ, соотвѣтствовала 40 асырямъ.

Итакъ, населеніе Рязанскаго края въ 3-мъ періодѣ имѣло опредѣленную денежную и вѣсовую системы. Очень вѣроятно, что были въ употребленіи мѣры объемовъ и длины, но въ числѣ извѣстныхъ ве-

¹³⁾ Описаніе древнихъ гирекъ помѣщено въ VII томѣ Трудовъ Рязанской Ученой Архивной Коммисси, вып. 6, 7 и 8.

ищественныхъ памятниковъ намъ не встрѣчались представители двухъ послѣднихъ измѣреній.

Большое количество серебряной монеты, серебряныхъ украшеній, несомнѣнное существованіе вѣсовой системы не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что населеніе Рязанскаго края не стояло неподвижно въ дѣлѣ торговаго и экономическаго развитія.

Въ теченіе 3 періода вѣшнія торговля сношенія видимо возрасли, возникли новыя торговля связи съ западными и юго-западными областями. Съ увеличеніемъ вѣшнихъ торговыхъ оборотовъ являлось оживленіе и внутренней торговли, какъ естественное слѣдствіе большаго спроса на мѣстные продукты и увеличеніе зажиточности населенія. Почти постоянное присутствіе въ мѣстныхъ кладяхъ большаго количества разновѣсныхъ частей диргемовъ позволяетъ разсматривать эти клады какъ сбереженія мелкихъ торговцевъ и промышленниковъ; послѣдніе составляли большинство кореннаго мѣстнаго населенія. Значительная часть кладовъ съ рѣзанцами принадлежала къ малоцѣннымъ, — они были невелики по вѣсу (1—2 ф.); въ нихъ мы видимъ сбереженія и капиталы небогатаго промысловаго люда, собранные въ теченіе многихъ лѣтъ, такъ сказать, по грошамъ. Иначе трудно объяснить огромное количество рубленной и обрѣзанной мелочи и незначительное число цѣлыхъ монетъ въ большей части кладовъ, найденныхъ въ Рязанской губерніи и въ другихъ мѣстахъ Россіи.

Въ Рязанской губерніи находили клады, въ которыхъ на два, на три десятка цѣлыхъ монетъ приходилось по нѣсколько сотъ рѣзанцевъ разнаго вѣса и величины. Мѣстные богачи того времени едва ли откладывали въ свои сбереженія ходячую монетную мелочь. По берегамъ Оки изрѣдка попадаются клады, состоящіе изъ однихъ цѣлыхъ диргемовъ, серебряныхъ украшеній и серебряныхъ прутиковъ, въ этихъ кладяхъ или совсѣмъ не оказывалось рубленныхъ диргемовъ или ихъ было очень мало. На основаніи содержанія извѣстныхъ намъ кладовъ, открытыхъ въ текущемъ столѣтіи въ Рязанской и прилегающихъ къ ней частяхъ Тульской, Московской, Владимірской и Тамбовской губерніяхъ, можно предполагать, что въ здѣшней мѣстности въ теченіе 3-яго періода было немного богачей; имущественное состояніе населенія, повидимому, было довольно равномерно и не представляло рѣзкихъ противоположностей, — съ одной стороны, въ видѣ крупныхъ богатствъ, сосредоточенныхъ въ рукахъ немногихъ, и хронической нищеты огромнаго большинства населенія, — съ другой стороны. Вѣшній бытъ населенія отличался первобытной простотой; жизнь нашихъ предковъ, по своей обстановкѣ, ничѣмъ почти не развилась отъ жизни дикихъ племенъ, уцѣлѣвшихъ до сихъ поръ въ Африкѣ, Австраліи и Америкѣ.

Въ началѣ третьяго періода во вѣшней обстановкѣ населенія Ря-

запскаго края не произошло существенныхъ переменъ. Жилища, одежда, украшенія, вооруженіе и орудія сохранили формы второго періода. То же можно сказать о промысловой дѣятельности населенія, — виды промысловъ оставались прежніе, но получили болѣе широкое развитіе. Вообще строй мѣстной жизни не выходилъ изъ той колеи, которую мы наблюдали во второмъ періодѣ. Замѣтныя отклоненія отъ установившихся порядковъ мѣстной жизни обнаруживаются, какъ мы полагаемъ, въ срединѣ третьяго періода. Съ этого времени Рязанскій край, особенно западная часть его, становится ареною важныхъ событій, имѣвшихъ крупныя послѣдствія для мѣстнаго населенія. Западную часть Рязанскаго края занимаетъ пришлое племя, принесшее съ собою отличительную бытовую обстановку, новые промыслы и обычаи. Новые насельники прибыли съ запада или сѣверо-запада. Мы не знаемъ, явились ли они какъ мирные колонисты для занятія свободныхъ мѣстъ въ западной части нашего края, или движеніе ихъ на востокъ по теченію Оки сопровождалось борьбою съ туземцами и вытѣсненіемъ или порабощеніемъ кореннаго мѣстнаго населенія. Будущія археологическія изслѣдованія, вѣроятно, дадутъ намъ болѣе опредѣленные свѣдѣнія о дѣйствительномъ значеніи отмѣчаемаго нами факта и, быть можетъ, выяснятъ самый характеръ и причины наплыва западныхъ или сѣверо-западныхъ сосѣдей въ предѣлы Рязанскаго края. Въ настоящее время мы воздерживаемся отъ положительныхъ выводовъ какъ о времени, когда совершилось описываемое нами событіе, такъ и о характерѣ его. По нѣкоторымъ признакамъ, въ этомъ движеніи мы склонны видѣть мирную колонизацію сосѣдняго племени въ долину средней Оки. Пришлые колонисты, повидимому, были знакомы съ земледѣліемъ. На мѣстахъ новой осѣдлости они безъ сомнѣнія продолжали заниматься обработкою земли и познакомили мѣстныхъ коренныхъ жителей съ приемами хлѣбопашества. Между случайными находками, которыя съ большимъ вѣроятіемъ можно отнести ко времени колонизаціи, нерѣдко попадаются обломки желѣзныхъ серповъ.

Къ третьему же періоду относятся слѣды враждебнаго вторженія въ долину средней Оки одного изъ сосѣднихъ племенъ. Непріатели, какъ видно, побѣдили туземцевъ, сидюю заняли часть Рязанскаго края и поселились въ немъ. Болѣе ясны, изъ доселѣ извѣстныхъ признаковъ нашествія враговъ на Рязанскій край сохранились въ окрестностяхъ Рязани и на Придорожномъ бугрѣ Борковского могильника; весь бугоръ и прилегающія къ нему мѣста покрыты остатками древняго поселка. Только враги — побѣдители могли селиться на могильникахъ предковъ побѣжденнаго населенія. До 1893 года поблизости отъ остатковъ селенія сохранялись слѣды кладбища, очевидно оставленнаго жителями древняго селенія, раскинутого на Придорожномъ бугрѣ. Кладбище состояло, насколько можно судить по уцѣлѣвшимъ остаткамъ, изъ могилъ съ трупосожженіями. Обрядность похоронъ наводитъ на догадку,

что завоевателями было одно из сосѣднихъ славяно-русскихъ племенъ ¹⁴⁾.

Въ срединѣ и въ концѣ третьяго періода не замѣчается крупныхъ перемѣнъ во вѣшнемъ бытѣ населенія. Между богатыми и бѣдными, высшими и низшими представителями мѣстнаго населенія не было чрезмѣрнаго неравенства въ имущественномъ состояніи и въ образѣ жизни, не было глубокой розни въ понятіяхъ и вѣрованіяхъ. Обстановка жизни была крайне проста и несложна. Жильемъ богатыхъ и знатныхъ была небольшая изба съ глинобитною печью по срединѣ и съ черною топкою. Искусство выдѣлывать и обжигать кирпичъ было еще неизвѣстно. Печи устраивали первобытнымъ способомъ: на землю клали слой глины на немъ укрѣпляли остовъ будущей печи изъ тонкихъ вѣтвей, обмазывали его слоями глины до извѣсной толщины и печь была готова. Такихъ же размѣровъ мазанки-палаши съ тою же примитивною печью защищали отъ холода и ненастья семьи бѣдняковъ. Тѣ и другія жилища, по нашимъ теперешнимъ понятіямъ, одинаково неприглядны и неудобны для жизни. Впрочемъ, подобныя хижины и теперь еще можно встрѣтить въ бѣдныхъ захолустныхъ деревняхъ; всматриваясь въ эти архаическіе образцы родного строительнаго искусства, мы можемъ, довольно близко къ дѣйствительности, возстановить картину нашихъ доисторическихъ градовъ и вѣсей. Прочая обстановка домашней жизни вполне гармонировала съ жильемъ: ручной работы грубая глиняная посуда, такой же выдѣлки деревянныя ведра и кадочки, желѣзные топоры и ножики составляли главную и необходимую утварь и вполне удовлетворяли потребностямъ хозяйства. У болѣе зажиточныхъ и богатыхъ людей съ бытовыми предметами мѣстнаго издѣлія встрѣчались и привозныя. Во время раскопокъ изрѣдка попадались болѣе изящной формы и выдѣлки глиняные горшки, обломки желѣзныхъ сковородокъ и мѣдныхъ чашекъ. Повседневную одежду шили изъ грубой шерстяной ткани домашняго приготовленія; въ хо-

---

¹⁴⁾ Привода отрывочныя указанія на слѣды событій, совершившихся въ долинѣ Оки въ теченіи третьяго періода, и позволяя себѣ пояснять ихъ своими догадками, мы далеки отъ мысли придавать тому и другому значеніе безпорныхъ фактовъ. Въ этомъ случаѣ, мы не стремимся обогатить археологію новыми и довольно смутными фактами, — нами руководятъ желаніе обратить вниманіе лицъ, заинтересованныхъ отдаленнымъ прошлымъ нашей родины, на богатство и разнообразіе археологическихъ памятниковъ, сохранившихся въ долинѣ Оки. Изслѣдованіе подземныхъ остатковъ глубокой старины и серьезное изученіе скрытыхъ въ нихъ драгоценныхъ матеріаловъ общасть дать такіе результаты, о которыхъ и не мечтали наши историки и археологи. Грустно то, что родная старина находится возлѣ насъ, можно сказать, лежитъ подъ нашими ногами, остается только протянуть руку и вынести ее на Божій свѣтъ. Однако этихъ рукъ не является и древнѣйшія правдивыя страницы нашей исторіи остаются непрочитанными. Лучшіе пред-

лодное время года носили шубы и полушубки изъ овчины и шкуръ другихъ мѣстныхъ животныхъ. Зажиточные люди употребляли на одежду болѣе красивыя шерстяныя ткани и холстъ иноземной выдѣлки. Богатыя женщины имѣли большое пристрастіе къ нарядамъ и украшеніямъ. Одежда ихъ была въ глаза нестрогою цвѣтовъ, блескомъ бронзовыхъ и серебряныхъ бездѣлушекъ и яркими цвѣтами разнородныхъ бусъ. У бѣдныхъ женщинъ замѣтна та же слабость къ нарядамъ, но составъ украшеній у нихъ бѣднѣе по количеству и качеству металлическихъ вещей и бусъ. Оружіе состояло изъ мечей, копій металельныхъ дротиковъ и боевыхъ топоровъ. Богатымъ вооруженіемъ обладали, какъ кажется, только мужчины—воины, принадлежавшіе къ господствующему классу населенія.

Мы не имѣемъ никакихъ опредѣленныхъ данныхъ, которыя могли бы дать намъ правильное понятіе объ общественномъ строе въ описываемый нами періодъ. Переноса наше понятіе о формахъ государственной жизни на далекое прошлое, можно было-бы думать, что жизнь, собственность и самыя элементарныя права человѣка ни чѣмъ не были обезпечены въ доисторическій періодъ. На самомъ же дѣлѣ, надъ жизнью нашихъ предковъ не было постоянной угрозы насилія, произвола и разоренія. Отсутствие стройной государственной организациі и ея многочисленныхъ агентовъ въ общественной жизни древняго населенія, хотя не исключало возможности случайныхъ бѣдствій, не всегда успѣшно ограничивало произволъ сильныхъ и богатыхъ людей по отношенію къ бѣднымъ и слабымъ и не сдерживало во время стремленія ихъ къ эксплоатаціи послѣднихъ: но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и не мѣшало низшимъ классамъ населенія собственными силами бороться какъ съ случайными бѣдствіями, такъ и ограждать себя отъ несправедливой притязательности представителей господствовавшего класса. Обездоленные и угнетаемые, если не находили средствъ дать отпоръ притѣснителямъ, пользовались послѣднимъ способомъ защиты слабыхъ:

сгавители русской археологіи направляютъ свою дѣятельность на изслѣдованія остатковъ старины, разбросанныхъ на далекихъ окраинахъ нашего обширнаго отечества, затрачиваютъ тамъ время, силы, знанія и крупныя денежные средства;—свое же близкое, родное остается въ забросѣ. Нѣмой укоръ сѣдой русской старины не трогаетъ ихъ. Между тѣмъ, природа и невѣжество людей не дремлютъ, они неуставно ведутъ свою разрушительную работу, съ каждымъ годомъ тотъ или другой цѣнный памятникъ на нашихъ глазахъ безслѣдно исчезаетъ съ лица земли. Никто и ничто не могутъ замѣнить намъ и нашимъ потомкамъ невозвратимой утраты. Крымъ, Кавказъ и Туркестанъ имѣютъ своихъ любителей старины, въ средѣ послѣднихъ есть люди съ достаточною подготовкой для археологическихъ изслѣдованій. Зачѣмъ же наша коренная Русь высылаетъ на окраины своихъ немногочисленныхъ компетентныхъ археологовъ, тогда какъ имъ на много лѣтъ хватило бы работы въ центрѣ Россіи.

они бѣжали съ мѣсть своей осѣдлости къ сосѣднимъ родственнымъ племенамъ или въ глухіе тущобы непроходимыхъ лѣсовъ. Пресѣчь подобныя побѣги не было возможности. Въ то время писанныхъ законовъ не существовало, блюстителей благоустройства и правосудія было слишкомъ мало; охраною порядка и правъ каждаго, защитою отъ насилія и карою для преступниковъ являлись установленныя вѣками обычаи,—право мести за обиду, защита общиною своихъ потерпѣвшихъ членовъ и свобода перемѣщенія. Нетолько въ доисторическія эпохи, но и въ историческія времена населеніе древней Руси было очень подвижно. Эта особенность вытекала изъ условій географическаго положенія Руси, быта и характера племенъ, входившихъ въ составъ населенія ея. Древнее населеніе нашего отечества жило небольшими самостоятельными общинами, связанными между собою племеннымъ родствомъ, одинаковыми вѣрованіями, обычаями, сходствомъ развитія и мировоззрѣній. Эта связь между древними общинами не имѣла крѣпкой устойчивости и постоянной прочности; при мирномъ теченіи жизни она до извѣстной степени обезпечивала порядокъ общежитія и гарантировала безопасность членовъ общинъ. При невзгодахъ же, вызванныхъ или междоусобицами родственныхъ племенъ, или вторженіемъ иноплеменныхъ враговъ, разрозненность самостоятельныхъ племенъ вела къ гибельнымъ послѣдствіямъ. Отдѣльныя группы общинъ одного племени или многихъ близкихъ по происхожденію племенъ, несчисленныя въ организованное цѣлое, представляли легкую добычу для воинственныхъ кочевниковъ, переходившихъ изъ Азіи въ Прикаспійскія и Придонскія степи. Отдѣльное племя не могло отразить нападенія болѣе сильныхъ враговъ; сомкнуться же всѣмъ родственнымъ племенамъ противъ общаго врага, — на это у нихъ не хватало ни умѣнья, ни возможности. Много вѣковъ древнее населеніе Окскаго бассейна подвергалось набѣгамъ дикихъ ордъ кочевниковъ. Не имѣя силъ и средствъ отразить воинственныхъ враговъ, имъ оставалось нести ярмо зависимости или бѣжать въ глубь своихъ безконечныхъ лѣсовъ и тамъ искать новыхъ мѣсть для осѣдлости. Болѣе энергичныя и смѣлыя изъ туземцевъ, вѣроятно, избирали послѣднюю мѣру. Оставшимся на мѣсть приходилось мириться съ потерю независимости и мало по малу привыкать къ подчиненію.

Выше приведенные нами слѣды массоваго передвиженія одного изъ сосѣднихъ племенъ и признаки непріятельскаго вторженія въ Рязанскій край можно разсматривать какъ признаки ослабленія господства хазаръ надъ населеніемъ долины средней Оки. Видимо Рязанскій край начинаетъ ускользать изъ подъ власти хазаръ; послѣдніе были уже не въ состояніи дать рѣшительный отпоръ нападеніямъ враговъ, стремившихся силою захватить сѣверо-западные области, подчиненныя хазарамъ. „Съ IX стол., говоритъ В. В. Григорьевъ ¹⁵⁾, могущество хазаръ

¹⁵⁾ Обзоръ политическаго исторіи Хазаровъ, стр. 20 и 21.

мало по малу стало ослабѣвать. Съ востока отъ рѣки Урала начали напирать на нихъ дикія поколѣнія Печенѣговъ и другихъ народовъ Турецкихъ, а съ Сѣверо-Запада начали отнимать у нихъ владѣнія Князя Русскіе,—Оскольдъ и Дирь; овладѣвъ Кіевомъ, они лишили ихъ дани, платимой жителями сего города, а Олегъ взялъ себѣ, которую давали имъ Сѣверяне и Радимичи. Набѣги Печенѣговъ, безпре- станно подвигавшихся къ западу, заставили хазаровъ отправить въ 834 г. къ Греческому Императору Теофилу посольство съ просьбою прислать имъ искусныхъ людей для построенія на берегу Дона крѣ- пости, которая защищала бы восточныя границы ихъ владѣній отъ вторженій этихъ дикарей. Теофиль, исполняя ихъ просьбу, прислалъ имъ ученаго инженера именемъ Петрону, который и построилъ крѣ- пость, названную Саркеломъ. Въ нее назначенъ былъ горнизонъ, ко- торый ежегодно смѣнялся“.

Во второй половинѣ X ст. (965 г.) великій князь Святославъ на- несъ сильный ударъ хазарамъ и расшатанному господству ихъ надъ Рязанскимъ краемъ. Населеніе долины средней Оки вскорѣ освободи- лись отъ хазаръ и подпало подъ власть южно-русскихъ князей. Со времени упроченія послѣднихъ въ долину Оки, судьбы Рязанскаго края неразрывно сливаются съ древней Русью.

„Воинственный духъ Руссовъ, говоритъ В. В. Григорьевъ ¹⁶⁾, за- ставлялъ ихъ искать причинъ для войны съ сосѣдями, здѣсь же кровь единоплеменцевъ требовала мщенія, и Святославъ, предпринявъ походъ на Хазаровъ, вѣроятно имѣлъ намѣреніе отмстить имъ за разбитіе своихъ единоплеменниковъ. Несторъ не упоминаетъ о причинахъ, побудившихъ къ сему Святослава, а говоритъ только, что въ 965 году, покоривъ Вятичей, послѣднее изъ поколѣній Славянскихъ, которое платило дань Хазарамъ, онъ устремился потомъ на земли сего народа, въ крово- пролитной битвѣ побѣдилъ Кагана, предводительствовавшаго войскомъ и взялъ укрѣпленный городъ Хазарскій Саркель или Бѣлую Вѣжу. Въ этотъ же походъ завоевалъ, вѣроятно, Святославъ и земли на перешейкѣ Кавказскомъ и по берегамъ Азовскаго моря, принадлежавшія тогда Хазарамъ, и въ послѣдствіи образовавшія Княжество Тмутара- канское. Ибнъ-Хаукаль, повѣствующій о семъ событіи подъ 358 (969) годомъ Геджры, говоритъ, что русскіе перебили въ то время жителей Итиля, Хазаровъ, Булгаровъ и Бургасовъ, разрушили Семендеръ и опустошили его окрестности. Этотъ ударъ сильно потрясъ могу- щество уже ослабѣвшей державы Хазарской и приготовилъ совер- шенное ея паденіе“.

Покореніе Рязанскаго края совершилось невдвугъ. Мѣстное населеніе относилось враждебно къ новымъ завоевателямъ, главнымъ образомъ влѣдствіе религіознаго антагонизма. Южно-русскіе князья принимали

¹⁶⁾ Обзоръ политической исторіи Хазаровъ, стр. 23 и 24.

рѣшительныя мѣры для упроченія своего господства и водворенія спокойствія въ занятомъ краѣ. Слѣды нѣкоторыхъ изъ ихъ мѣропріятій сохранились до настоящаго времени. Князья строили небольшія укрѣпленные городки рядомъ или поблизости съ болѣе многлюдными селеніями туземцевъ. Остатки земляныхъ укрѣпленій древнихъ княжескихъ опорныхъ пунктовъ тянутся непрерывною цѣпью по правому возвышенному берегу Оки. Размѣры и характеръ земляныхъ укрѣпленій этихъ городковъ ясно выражаютъ назначеніе ихъ: они служили опорой княжеской власти и наблюдательными постами за непокойнымъ населеніемъ. Въ случаѣ же волненія или возстанія туземцевъ, небольшіе отряды княжескихъ дружинъ, расположенные въ укрѣпленныхъ городкахъ, могли или подавлять беспорядки въ самомъ зародышѣ ихъ, или укрываться за валами и частоколами укрѣпленій и ждать новыхъ подкрѣпленій для усмиренія бунтовщиковъ. Другою не менѣ разумною мѣрою со стороны южно-русскихъ князей было отобраніе оружія у туземцевъ. Проведеніе подобной мѣры не могло быть выполнено съ успѣхомъ вначалѣ покоренія Рязанскаго края; она была осуществлена позднѣе, вѣроятно, въ XI или въ началѣ XII столѣтія. Мы видѣли какимъ обиліемъ оружія владѣла значительная часть мужскаго населенія Рязанскаго края во второмъ періодѣ; большое количество оружія встрѣчается въ мужскихъ могилахъ и болѣе поздняго времени, курганы же XI и XII ст. крайне бѣдны оружіемъ. Отсутствие оружія и остатковъ конской сбруи при остаткахъ мужскихъ погребеній, относящихся къ XI и XII ст., можно объяснить двояко: или большая часть мѣстнаго мужскаго населенія, поставлявшая конныхъ и пѣшихъ воиновъ, покинула Рязанскій край, не желая подчиняться тяжелымъ порядкамъ новыхъ завоевателей, или—южно-русскіе князья въ XI в. отобрали оружіе у туземцевъ, съ цѣлью обезопасить себя отъ вооруженнаго возстанія своихъ новыхъ подданныхъ. Я нахожу болѣе вѣроятнымъ послѣднее предположеніе, хотя въ дѣйствительности немаловажное вліяніе на обезоруженіе населенія могло оказать и бѣгство части мужчинъ—воиновъ изъ предѣловъ Рязанскаго края.

Главною цѣлью первыхъ русскихъ князей, при расширеніи своего господства надъ туземными племенами, было увеличеніе дани, собираемыхъ съ населенія покоренныхъ областей. Увеличивая число своихъ данниковъ, князья получали возможность содержать большія дружины. При содѣйствіи и поддержкѣ отважныхъ дружинниковъ, князья достигали громкой извѣстности и могущества. Въ Рязанскомъ краѣ первые опыты княжеской дѣятельности въ этомъ направленіи, повидимому, были безуспѣшны.

Мы уже говорили, что Рязанская губернія богата кладами IX, X и начала XI вѣка; извѣстно порядочное количество кладовъ XIV и XV ст., открыто большое число денежныхъ кладовъ конца XVI и XVII ст. Но мы положительно не знаемъ ни одного найденнаго въ

Рязанской губерніи клада, который можно было бы отнести къ XII ст. Обращая вниманіе на отсутствіе кладовъ изъ эпохи начала образованія Великаго княжества Рязанскаго, мы не можемъ принять результаты дѣятельности первыхъ Рязанскихъ князей и ближайшихъ дружинниковъ ихъ, какъ единственную причину приведеннаго нами наблюденія: трудно допустить, чтобы князья и дружинники имѣли возможность такъ быстро, широко и успѣшно обратить капиталы и сбереженія своихъ подданныхъ, что послѣднимъ нечего было прятать въ землю. Вѣроятно были и другія причины, способствовавшія ускользанію денежныхъ капиталовъ и драгоценныхъ украшеній изъ рукъ ихъ владѣльцевъ.

Хазары и болѣе древніе владители Рязанскаго края, какъ мы полагаемъ, относились равнодушно къ вѣрованіямъ покоренныхъ ими племенъ, мало вмѣшивались въ исконный строй ихъ быта и главнымъ образомъ ограничивались лишь собираемъ дани; у нѣкоторыхъ же владителей могло оказаться полное или близкое сходство въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, слѣдовательно не было и повода къ религіозному антагонизму между побѣдителями и побѣжденными.

Южно-русскіе князья совсѣмъ иначе отнеслись къ вѣрованіямъ мѣстнаго населенія. Они не довольствовались данями и иными выраженіями покорности туземцевъ. Князья даже временно, до полного водворенія спокойствія и мирной дѣятельности въ завоеванномъ краѣ, не могли мириться съ язычествомъ своихъ новыхъ подданныхъ. Съ первыхъ же годовъ своего пребыванія въ долинѣ средней Оки, князья начали дѣятельную борьбу съ язычествомъ. Кто или что побудило ихъ такъ скоро и рѣзко приступить къ ломкѣ вѣковыхъ устоевъ общественной жизни мѣстнаго населенія, — рѣшить мудрено. Являлась ли эта борьба съ язычествомъ, какъ слѣдствіе личной и необдуманной заботы князей о спасеніи покореннаго населенія отъ нравственной и духовной гибели, или причиною были совѣты и слишкомъ поспѣшное стремленіе православнаго духовенства, сопровождавшаго князей и вліявшаго на нихъ, имѣть болѣе многолюдную паству для своей просвѣтительной дѣятельности, мы не знаемъ. Несомнѣнно только то, что крутое обращеніе неподготовленныхъ закоренѣлыхъ язычниковъ въ православіе было крупной политической ошибкой со стороны первыхъ Рязанскихъ князей. Князья для скорѣйшаго выполненія своей великой задачи не стѣснялись въ выборѣ средствъ. Туземцы, совершенно неспособные спясть превосходство новой религіи и проникнуться Божественными истинами христіанства, вслѣдствіе глубокаго невѣжества, упорно сопротивлялись попыткамъ князей оторвать ихъ отъ вѣры, унаслѣдованной отъ длиннаго ряда предковъ. Введеніе христіанства въ Рязанскомъ краѣ на долгое время вызвало общественную смуту, открытую и глухую борьбу населенія съ князьями. При такихъ условіяхъ, замиреніе края надолго затянулось, жизнь населенія была выбита изъ обычной колеи, и новыя

порядки дурно отражались на производительной дѣятельности и экономическомъ состояніи цѣлаго края. Съ другой стороны, результаты крутой борьбы съ язычествомъ далеко не оправдывали надеждъ князей, — христіанство слишкомъ слабо прививалось къ туземцамъ, просвѣтительная сила высокаго ученія не могла оказать благотворнаго вліянія на понятія и нравы язычниковъ. Обращенные съ православіе туземцы едва усвоивали церковную обрядность, не понимая ея сущности, и продолжали оставаться язычниками по своимъ понятіямъ, вѣрованіямъ и образу жизни.

Въ третьемъ періодѣ въ составъ народонаселенія Рязанскаго края входят новые элементы. Разноплеменность населенія увеличилась притокомъ значительной массы славянъ, небольшимъ числомъ русовъ, составлявшихъ ядро княжескихъ дружинъ, и другихъ разнородныхъ иноземцевъ, — искателей поживы и приключеній, — служившихъ въ дружинахъ князей. Впрочемъ, въ описываемую нами эпоху, княжескіе дружинники представляли бродячій элементъ, — изъ своей среды они немногихъ выдѣляли въ осѣдлое населеніе тѣхъ областей, куда заносила ихъ судьба. Основу кореннаго мѣстнаго населенія составляло какъ въ предшествующій, такъ и въ теченіе третьяго періода, племя, происшедшее отъ смѣшенія первобытнаго населенія каменнаго вѣка съ восточно-финскимъ племенемъ. На основаніи небольшого количества извѣстнаго намъ антропологическаго матеріала, относящагося къ 3 періоду, мы заключаемъ, что характеръ коренныхъ жителей Рязанскаго края не потерпѣлъ существенныхъ измѣненій въ теченіе третьяго періода и остался такимъ же, какимъ мы нашли его въ періодѣ образованія рязанско-окскихъ могильниковъ; физически крѣпкіе и сильные, хорошо приспособленные къ условіямъ мѣстной природы, они, повидному, отличались болѣе мирными наклонностями, чѣмъ остальное пришлое населеніе, входившее главнымъ образомъ въ составъ господствовавшаго класса. Эта малочисленная пришлая часть населенія преимущественно тюркскаго и, какъ кажется, славяно-русскаго происхожденія имѣла другіе навыки, иной характеръ: своевольные и воинственные по натурѣ, самонадѣянные, энергичные и дѣятельные, они питали отвращеніе къ мирной, трудовой жизни, и только преклонный возрастъ или преждевременная потеря силъ и здоровья вынуждали ихъ покидать тревожную походную жизнь, нападенія, битвы съ непріателемъ и охоту. Война была ихъ ремесломъ, охота и пиры забавою послѣ боевыхъ схватокъ. Характерныя черты высшаго класса долгое время сохранялись въ ихъ потомствѣ.

Бытъ и вѣрованія кореннаго мѣстнаго населенія остались тѣ же, — расширеніе внѣшнихъ торговыхъ сношеній отражалось на экономическомъ благосостояніи края, не поднимая умственнаго и нравственнаго

уровня населенія. Культъ язычества, безъ сомнѣнія, осложнялся; въ концѣ 3 періода въ средней и сѣверной Руси было значительное число волхвовъ и кудесниковъ; первое появленіе ихъ относится, по нашему мнѣнію, къ предшествующему періоду. Развитіе языческихъ вѣрованій въ самомъ себѣ не могло благотворно вліять на умственный ростъ населенія, Рязанскій край со всѣхъ сторонъ окружали полудикія племена, стоявшія на томъ же низкомъ уровнѣ культурнаго развитія, — притока просвѣтительныхъ началъ извнѣ не существовало. Продолжительное господство разныхъ кочевыхъ народовъ надъ населеніемъ долины средней Оки не вносило зародышей высшей культуры въ жизнь края; смѣна иноплеменныхъ властителей могла только примирить населеніе съ потерей самостоятельности и пріучить его къ тупой покорности.

Въ мѣстной природѣ не произошло перемѣнъ къ худшему; въ концѣ 3 періода страна была также богата какъ и во второмъ. Не смотря на то, что человекъ хозяйничалъ здѣсь уже много вѣковъ, природа какъ бы не замѣчала его усилій подорвать неисчерпаемыя естественныя богатства.

Вотъ съ какимъ составомъ населенія и запасами естественныхъ богатствъ Рязанскій край вступалъ въ историческій періодъ своего существованія.

Древнее коренное населеніе нынѣшней средней Россіи представляло хорошій матеріалъ, надежную основу для будущаго государства. Недоставало разумной и послѣдовательной въ своемъ стремленіи силы, которая сплотила-бы разрозненные племена въ одно цѣлое, въ одну могучую народность. Въ потомствѣ южно-русскихъ князей зародилась великая идея объединенія Русской земли. Возникшая идея не замерла, она проникала въ сознаніе князей и многихъ лучшихъ людей древней Руси. Въ средѣ русскихъ князей нашлись талантливые и энергичные сторонники объединенія отдѣльныхъ княжествъ въ одну Русскую державу. Прошли столѣтія, идея съ изумительнымъ успѣхомъ проведена изъ области завѣтной надежды въ самую жизнь; она осуществлена въ колоссальномъ Русскомъ царствѣ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
1	20 сверху	Въ теченіи	Въ теченіе
—	1 снизу	тѣ цѣли	тѣ цѣли,
2	7 —	розысканіе	разысканіе
3	11 сверху	матеріаловъ	матеріаловъ,
—	14 —	въ зачатномъ	въ зачаточномъ
11	18 —	выработываль	выработываль
—	1 снизу	мирны	мирные
13	6 сверху	Европу	Европу,
—	18 снизу	обладавшили	обладавшими болѣе
15	4 —	культуры	культуры,
16	3 сверху	Изученіиіе	Изученіе
21	13 —	не состояниіи	не въ состояниіи
23	11 —	боговъ,	боговъ
—	11 снизу	хоронило	хоронила
24	20 сверху	значеніи	составъ
—	4 снизу	наплывы	наплывы
—	16 —	восточно-финскіе	восточно-финскія
29	12 сверху	Окаемовъ	Акаемовъ
—	14 —	качествами	качества
—	9 снизу	стремяиъ	стремень
30	16 сверху	курганахъ	курганахъ.
31	4 снизу	Съ конца VIII	Съ конца IX
34	13 —	слѣдовательно	слѣдовательно, здѣсь
35	15 снизу	прутиковъ,	прутиковъ;
37	12 сверху	глины	глины,
—	5 снизу	богатыхъ	богатыхъ
38	15 сверху	описываемый	описываемый
40	17 —	освободились	освободилось
41	3 —	неболышія	неболышіе
44	9 снизу	разрозненные	разрозненыя

